

*К 135-летию со дня открытия
Железнодорожного вокзала.*

*К 100-летию со дня открытия
Областного музея краеведения.*

**С Н А Ч А Л А
Б Ы Л
«V A U X H A L L»**

К юбилеям художников –

*130-летию со дня рождения
Мартироса Сарьяна.*

*100-летию со дня рождения
Александра Глуховцева.*

*100-летию со дня рождения
Александра Лактионова.*

РОСТОВ - НА - ДОНУ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 92
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 3,8**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

**ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»
ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
РОСТОВСКОМУ ОБЛАСТНОМУ МУЗЕЮ КРАЕВЕДЕНИЯ
ЗА ОКАЗАННУЮ ПОМОЩЬ
В ПОДБОРЕ ФАКТОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА**

СОДЕРЖАНИЕ:

Зала на гульбище .....
Действительно Главный.....
Приятная и притягательная форма.....
Сущность загадочного Востока.....
Привязанность к книге.....
Самая правдивая картина.....

---

*Встречающиеся в тексте термины поясняются в словаре в конце книги.

***

В своей книге «История города Ростова-на-Дону», изданной в 1909 году, Александр Михайлович Ильин написал: *«Настоящее издание, выходя в свет в 160 годовщину со дня существования города Ростова-на-Дону, имеет, между прочим ввиду, напомнить ростовцам о предстоящих юбилеях и тем самым возбудить в местном сообществе интерес к истории своего города».*

Прошло 100 лет, и сегодня мы с Вами, уважаемый Читатель, отметили уже 260-ю годовщину со дня существования города Ростова-на-Дону.

А интерес к истории своего города не ослабевает.

***

*

ЗАЛА НА ГУЛЬБИЩЕ

Постоянной принадлежностью жизни старого Ростова были всевозможные гулянья – праздничные, сезонные, ежедневные, воскресные, вечерние, общегородские и местные, – всякие. Большинство из них приурочивалось к какому-либо празднику: святкам, масленице, вербному воскресенью, общегородским и приходским престольным дням. Местами их проведения были площади и парки – как в самом Ростове, так и в ближайших пригородах. Делились гулянья на простонародные, чистые и смешанные.

Обыватели – отправляясь на простонародное гулянье – заходили по дороге к знакомым попить чайку и водочки, потом качались на качелях, пели песни, глазели по сторонам. Подвыпившая публика толкалась, грызла орешки и семечки; разогретые «косорыловкой» компании мастеровых куражились и задирали народ. Холостые обоюбого пола сводили «приятные знакомства». Домой возвращались поздно и навеселе...

На чистых гуляньях, естественно, гуляла публика благородного происхождения.

Хотя и среди господ частенько случались *«разного роду непотребностные куражи».*

А вот на гуляньях смешанных – как ни странно – мероприятия обычно проходили довольно чинно. По-видимому, и пролетарии, и господа старались не уронить друг перед другом лицо.

Гуляли, естественно, не только в одном нашем Ростове.

Но, как город чисто купеческий, очень денежный, именно Ростов гулял по-особому широко.

С 1820-х годов в России начали появляться разного рода увеселительные заведения, работавшие весь летний сезон. Называли их «воксалы».

Слово это, «воксал», требует некоторых пояснений.

Дело в том, что первоначальное его значение было совсем другим. В XVIII веке так назывался сад с развлечениями – нечто вроде нашего парка культуры.

В далёком ещё XIII веке английский король Иоанн Безземельный подарил служившему у него нормандскому рыцарю Фолксу де Брете участок на правом берегу Темзы близ Лондона (видимо, какие-то земли у его величества всё-таки имелись...).

Построив дом, хозяин развёл там большой сад.

Через несколько столетий очередная наследница этого имения Джейн Фолкс решила заняться – как бы мы сейчас сказали – шоу-бизнесом и оборудовала «Новый весенний сад», предназначенный для загородных увеселений знати. Для балов и концертов был построен большой зал, по-английски – «hall».

Вот так вот фамилия предприимчивой хозяйки и осталась – на века – в этом названии: «Vauxhall» – «Воксхолл» (в Англии дома и сейчас имеют собственные имена). «F» стало звучать как «v», а буква «l» со временем вовсе потерялась.

Популярность Воксхолла у лондонской аристократии была столь велика, что вскоре потребовалось расширение и самого живописного сада, и строительство новых сооружений. Со временем он превратился в грандиозный парк развлечений с ресторанами, аттракционами, балаганами,

оранжереями. Концертные программы и танцевальная музыка исполнялись несколькими оркестрами, ежевечерне в 11 часов устраивался традиционный фейерверк.

В XVIII веке это место было самым посещаемым во всём Лондоне! Оно упоминается во многих литературных произведениях, письмах, мемуарах.

Чарльз Диккенс в «Очерках Бозе» (1835 год) так отзывался об этом заведении: *«Павильоны, пагоды, косморамы и фонтаны сверкали и били в глаза; красота певиц, изящная осанка певцов пленяли сердце, море огней ошеломляло рассудок, бокал-другой пунша кружил голову...»*

К слову сказать, в 20-е годы XIX века это заведение утратило свою фешенебельность, а затем расширявшаяся столица Великобритании его просто поглотила – он стал частью предместья Ламбет. Но и сегодня в южном Лондоне имеется небольшой район под названием Воксхолл.

А тогда новинка имела потрясающий успех и быстро вошла в такую моду, что свои «воксхоллы» стали открывать во многих городах Европы. Кроме аллей для прогулок и прочих парковых принадлежностей, специально возводили просторный концертный павильон.

В конце XVIII века популярность Воксхолла выходит далеко за пределы Альбиона, достигая берегов Америки.

Не стала исключением и Россия.

У нас такое заведение стало называться «воксал», и скоро само это слово стало нарицательным для летнего увеселительного здания.

Например, в Москве воксал открылся в 1772 году в усадьбе «Нескучное» князя Трубецкого.

Какие они были, российские воксалы?

В центре обычно выравнивалась осыпанная песком площадка для танцев, а вокруг стояли деревянные скамейки для зрителей.

Со временем постоянные посетители воксала часто заводили персональную скамью, а чтобы на неё не покушались другие, выжигали на сиденье своё имя. Эти именные скамейки почему-то особенно часто становились добычей воров, которые утаскивали их на дрова, и, в конце концов владельцы скамеек обычно договаривались сообща нанять охрану.

Основная обязанность стража сводилась к тому, чтобы в урочный час приходиться к воксалу и укладываться на одну из скамеек, на которой он потом благополучно всю ночь и храпел.

Это зрелище, видимо, служило дополнительным соблазном для воров, потому что скамьи стали красть ещё чаще, а в Москве даже учинилась и совсем постыдная история.

Караульщик, как обычно, обитал в объятиях Морфея, когда незаметно подкрались несколько злоумышленников, подняли его вместе со скамейкой и потащили к Сокольнической заставе.

Где стояла полицейская будка, в которой обретались аж три будочника. Они тоже сладко спали...

В воксалах давали оперы и комедии, а после представлений устраивались балы и ужины с фейерверками и концертными номерами. Были и балаганные театры, в которых ставились коротенькие – минут на двадцать – пьески назидательного или душещипательного характера, а также масштабные «пантомимы» – обычно на военные сюжеты.

В Ростове особенно любили «Покорение Карса», эпизоды Крымской войны и тому подобное с непременно военными сценами и пальбой из ружей и деревянных пушек – это напоминало о доблести и славе донских казаков.

Среди прочих приманок были даже полёты на воздушном шаре. Таковой, например, демонстрировали в 1804 году в Москве известные французские воздухоплаватели супруги Гарнерен.

К слову, Гарнерены приглашали всех желающих испытать вместе с ними ощущение полёта по воздуху, и желающие нашлись. В их числе была даже одна дама хорошего общества – Александра Степановна Турчанинова, которая хоть и осталась очень довольна полётом (говорила, что так *«весело было лететь, что и сказать невозможно»*), но гораздо больше была обеспокоена тем, чтобы её никто не увидел из знакомых, ибо эксцентричность такого рода в светской даме вовсе не приветствовалась.

Так что развлечения были в некотором роде, пикантные и даже не совсем приличные.

А слово «воксал» в конце XVIII - начале XIX веков было весьма употребительным, и когда Александр Пушкин писал в стихотворении «К Наталье»:

*Пролетело счастья время,
Как любви, не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Лёгким зефиром летал, -*

то все прекрасно понимали, где гуляка-вертопрах проводил свои часы.

И у Николая Гоголя в сохранившихся фрагментах второго тома «Мёртвых душ» читаем: *«Француз открыл новое заведение – какой-то дотоле неслыханный в губернии воксал, с ужином, будто бы по необыкновенно дешёвой цене и наполовину в кредит».*

Так что, в не совсем верном переводе с английского (по Владимиру Далю), «воксал» – *«сборная палата, зала на гульбище, на сходбище, где обычно бывает музыка».*

Кстати, простой народ – для себя – разъяснял это удовольствие для знати как *«дом с волками».*

Один из первых (прославленных на всю Россию и Европу) воксалов в был в Павловске.

Тогда там соорудили первую в России железную дорогу.

Строитель её, чешский инженер Франтишек-Антонин фон Герстнер первоначально говорил совсем не о концертных залах, а просто о гостиницах: *«Тысячи пассажиров будут ездить туда не только летом, но и зимой, из одного только удовольствия покататься, и если зимою не всегда можно гулять по саду, то после скорой езды и освежения на воздухе найдут они и в великолепной, со всем изяществом устроенной, гостинице прекрасное и недорогое угощение, которое верно сманит их и зимою на вторую и третью поездки...».*

Тогда совершенно не предполагалось превращать эти сооружения в музыкальные павильоны.

Но вскоре на всю страну прогремели организованные там концерты короля вальсов Иоганна Штрауса. В Павловском воксале впервые прозвучали знаменитые творения Глинки и Чайковского, выступали там Шаляпин, Собинов, Нежданова...

Первое же упоминание самого слова «воксал» встречается в одном из отчётов Герстнера в феврале 1837 года. Тогда, очевидно, инженер и решил расширить функции павловской гостиницы и сочетать в одном здании железнодорожную станцию, отель и залы для обедов и увеселений петербургской аристократии.

Потом Павловский павильон переименовали в курзал, а воксалами стали величать крупные станционные сооружения на железных дорогах России.

А поскольку увеселительный воксал в Павловске, размещённый вблизи железнодорожных путей, одновременно являлся и конечной паровой станцией (паровозы тогда ещё именовались «пароходами»), то его название постепенно утратило своё первоначальное значение и стало связываться только с железной дорогой.

О дальнейшей судьбе воксалов Фёдор Достоевский в «Преступлении и наказании» отозвался следующим образом: *«...в сущности, распивочная, но там можно было получить и чай».*

Высказывание довольно злое и не совсем объективное, потому что российские воксалы, вообще-то, котировались.

Но возможно, знаменитого писателя на какой-то станции ненароком обошли вниманием? А возможно, это просто такой авторский приём.

Старое это слово озвончилось, превратилось в «вокзал» и изменило своё функциональное значение, став расхожим для всех видов транспорта.

Здание же Павловского воксала благополучно просуществовало вплоть до Великой Отечественной войны. В период фашистской оккупации воксал был сожжён и, к большому сожалению, более не возродился.

***

Закономерен вопрос: почему театральный культурологический термин «вокзал» превратился в транспортное понятие?

Собственно, несложно.

И театр, и вокзал работают по расписанию и на публику, которая приходит с цветами, смеётся, радуется, грустит или плачет. Пассажиры и зрители имеют билеты, которые положено сохранять до конца представления или поездки.

Многие железнодорожные вокзалы, построенные в начале позапрошлого века, представляют собой монументальные здания с выразительным архитектурно-декоративным оформлением. Великолепен Ярославский вокзал Фёдора Шехтеля в Москве, выполненный ну просто как театральная декорация в стиле сказочно-русского модерна!

Так что, можно считать, что железнодорожный вокзал унаследовал праздничность театрального здания и развлекательность воксального заведения.

А ещё в «воксалах» устраивались всякого рода выставки и вернисажи. С косморамми, по утверждению Диккенса. Где тоже были билеты, публика, смех и слёзы...

То есть, они были ещё и музеями.

Вот о таких «воксаловских» моментах нашего с Вами Ростова-на-Дону мы сегодня и поговорим.

***

*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГЛАВНЫЙ

*Нужно сократить расстояние,
отделяющее Кавказ от Центра России,
а это возможно только посредством
сооружения железных путей.*

Великий князь Михаил Николаевич,
наместник Кавказа

В ночь на 8-е февраля 1943 года три батальона 159 стрелковой бригады скрытно перешли по льду Дон и проникли в Ростов. Нарвавшись на упорную оборону немцев и заблудившись в городе, батальоны понесли тяжёлые потери, в том числе, и в командирском составе.

То, что случилось потом, в истории назовут одним из самых невероятных примеров героизма Второй Мировой.

Собрав уцелевших бойцов в один батальон под своим командованием, старший лейтенант Гукас Мадоян решительным броском овладел железнодорожным вокзалом Ростова-на-Дону.

Находясь в полном окружении, в течение шести дней отряд Мадояна удерживал вокзал, отбив **сорок три(!)** атаки немцев.

За это время основные части Красной Армии успели подойти к Ростову и взять город.

День 14 февраля 1943 года стал самым счастливым для выживших ростовчан.

Южная столица наконец могла вздохнуть свободно.

За храбрость Гукасу Карапетовичу Мадояну было присвоено звание Героя Советского Союза, а Президент Соединённых Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт наградил его Золотой медалью «За боевые заслуги».

***

Вот так вот и получилось, что именно возле здания нашего вокзала проходили самые ожесточённые бои в городе.

Хотя что говорить о Ростовском вокзале?

Во время Великой Отечественной войны вся Северо-Кавказская железная дорога стала прифронтовой.

Только мостов было разрушено и взорвано – только представьте(!) – более 2500, а Ростовское отделение дороги находилось непосредственно в зоне военных действий...

Восстановили здание вокзала уже после войны с несущественными изменениями и дополнениями, в частности, на центральной части установили надстройку со шпилем.

В целом же первоначальные планировка и архитектура были сохранены.

Старинное здание Главного железнодорожного вокзала было возведено в 1875 году по проекту, присланному из Министерства путей сообщений. Имя автора, к сожалению, в веках затерялось.

В 1875 году на месте нашего современного вокзала завершилось строительство станции «Ростов-Владикавказский», а официально открыли его 15 января 1876 года. Это был огромный по тем временам – действительно Главный – 3-этажный вокзал, строившийся умными людьми явно «на вырост» с учётом перспектив развития города и транспортного узла.

За всю свою историю дом этот не раз подвергался перестройкам, достройкам, восстановлению, реконструкциям.

Первый «большой» ростовский вокзал простоял свыше ста лет. В конце 70-х годов XX века его по частям разобрали, дабы освободить место новому – с высотной башней гостиницы.

Хотя делать это было совсем не обязательно. Даже в Москве – задающей в современной России «тон» в разрушении памятников – почти все старые здания вокзалов сохранены, хотя тоже подвергались серьёзной реконструкции и расширению.

Кажется, Ростов – это если не единственный, то один из уж очень не многих советских городов, не сохранивших своё историческое здание вокзала.

А было оно очень красивым.

Теперь на этом месте высится безликое сооружение из стекла и бетона, в народе его называют «вставной челюстью».

Трудно понять чиновничью логику.

Ну вот, зато – 22 февраля 2004 года (чудесный воскресный день – преддверие весны) на территории Главного железнодорожного вокзала была открыта часовня во имя святителя Николая Чудотворца – покровителя всех путешественников.

Освящение совершил архиепископ Ростовский и Новочеркасский Пантелеймон.

Часовня построена на средства Северо-Кавказской железной дороги (СКЖД) для того, чтобы путешественники могли перед долгим странствием получить благословение Церкви.

Открытие дорожной часовни – дань старинной русской традиции. Небольшие часовни возводились в России на железнодорожных и речных вокзалах ещё с середины позапрошлого столетия.

В основном, одновременно с самими станциями.

***

К исходу XIX века Ростов-на-Дону из торгового стал превращаться в мощный промышленный центр. Здесь, к примеру, располагались три крупнейшие в России табачные фабрики: Асмолова, Кушнарёва и Асланиди.

И здесь же были Главные мастерские Владикавказской железной дороги.

140 лет назад, в далёком 1869 году, до станции «Ростов» от Таганрога дотянулась Курско-Харьковско-Азовская линия.

Тогда же построили и самый первый Ростовский вокзал. Был он очень небольшим и простоял недолго – через 7 лет его снесли.

Другая дорога – Козловско-Воронежско-Ростовская – в 1876 году охватила Ростов с севера. На тот момент существующие вокзалы Ростова и Нахичевани на берегу Дона были закрыты. И на новой ветке заработала другая станция, ныне известная как «Ростов-Товарная».

А на месте маленького вокзальчика возвели 3-этажный.

Ныне это – станция «Ростов-Главный».

За основной поток транзитных пассажиров в направлении Кавказских гор Ростовский железнодорожный вокзал получил название «Ворота Северного Кавказа» – также как и сама Южная столица.

Северо-Кавказская железная дорога, к которой и приписан «Ростов-Главный» теперь служит рельсами и шпалами – огромному по территории, богатейшему по ресурсам и многообразию, промышленному и сельскохозяйственному – экономическому району.

А ранее (соединив Ростов-на-Дону с Центральной Россией, Донбассом, Северным Кавказом и Закавказьем) она дала мощный толчок развитию торговли города, росту его населения.

История Северо-Кавказской дороги переплелась с историей строительства железнодорожного вокзала Ростова-на-Дону в одно целое и фактически стала нераздельной.

Да ведь и расположено Главное управление СКЖД именно в Ростове-на-Дону.

Во второй половине XIX века наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич писал своему брату императору Александру II: *«Нужно сократить расстояние, отделяющее Кавказ от Центра России, а это возможно только посредством сооружения железных путей».*

Сейчас – когда СКЖД, имея эксплуатационную длину около 8500 километров, входит в четвёрку крупнейших в стране – трудно представить, что всего полтора века назад её просто не существовало. Преодолевать гигантские расстояния от Москвы на Юг на лошадях приходилось месяцами.

Именно так, *«летя в пыли на почтовых»*, посетил наши края юный Саша Пушкин по пути в Одессу – к новому месту службы.

Крымская война середины позапрошлого века наглядно показала неудовлетворительное состояние сухопутных путей сообщения Центра с южными районами Российской империи, а также непозволительно длительное нахождение в пути гужевого обоза.

Это и заставило впервые серьёзно задуматься о необходимости железной дороги в регионе.

Добавились сюда и экономические причины.

В Области Войска Донского возникла проблема с вывозом угля, добываемого в шахтах восточного Донбасса. Войсковой атаман генерал-адъютант Матвей Хомутов направил рапорт военному министру Российской империи Дмитрию Милютину с обоснованием необходимости строительства железной дороги между Грушёвскими угольными копами (ныне город Шахты) и станицей «Аксайская-на-Дону».

В декабре 1860 года Указом Александра II было утверждено Положение о Комитете для строительства железной дороги и пристани на реке Дон в устье реки Аксай.

Шпалы и лесоматериалы для новой дороги были отечественного производства; а вот первые паровозы, вагоны, металлические мостовые конструкции, паровые машины, гидравлические краны, поворотные круги, механическое оборудование для ремонтных мастерских – весь этот антураж выписали из Бельгии.

Ранней весной 1863 года пятью пароходами из Антверпена заказ был доставлен на Таганрогский рейд.

Первая железнодорожная линия, протяжённостью 66 вёрст, от Грушёвской через Максимовку (ныне – Каменоломни) и Новочеркасск до станицы Аксайской, с веткой к угольным копам и пристанью на донском берегу, отметила день рождения 10 января 1864 года.

Всем участникам торжества по этому поводу были заблаговременно разосланы приглашения: *«Комитет Грушёвско-Донской железной дороги имеет честь покорнейше просить Вас пожаловать на открытие железной дороги к 12 часам утра в пассажирский дом Новочеркасской станции»*.

В 1868 году, с завершением строительства Грушёво-Ростовской железнодорожной ветки, начали принимать пассажиров и грузы станции «Нахичевань» и «Ростов» («Богатый колодезь»).

Преимущества нового вида транспорта были очевидны. Поэтому железная магистраль, которую впоследствии переименовали во Владикавказскую, быстро росла и развивалась. По сохранившимся историческим данным, уже в 1876 году дорога перевезла 308 тысяч пассажиров и почти 5 миллионов пудов грузов (80 тысяч тонн)!

Лучшие инженерные умы работали для нужд магистрали. Для перевозки всё возрастающего потока грузов и пассажиров потребовалась замена устаревших паровозов на более мощные.

И такой паровоз нового типа был разработан именно здесь. Правда, на модификацию потребовалось аж 20 лет. А несколько позднее, к 1915 году, совместными усилиями специалистов Владикавказской магистрали и Путиловского завода был создан паровоз серии Л («Пасифик»), который по тем временам оказался самым мощным в Европе!

Уже в дореволюционные годы протяжённость дороги достигла без малого 4 тысяч вёрст, а число работающих на ней приблизилось к 14 тысячам человек. Магистраль имела свои больницы, санатории и учебные заведения. Она оказывала большое влияние на развитие политической, экономической и культурной жизни всего Северо-Кавказского региона.

А дальше – период революции и гражданской войны. Многие оказались разрушенными и нуждались в восстановлении.

В 1918 году Владимир Ленин подписал декрет о национализации промышленности и транспорта. Начался новый этап в жизни магистрали. В 1922 году дорогу переименовали в Северо-Кавказскую. После этого она ещё несколько раз меняла своё название, в неё включались всё новые и новые участки и станции.

В те годы шло бурное развитие всего народного хозяйства. Страна нуждалась в надёжном, современном и экономичном транспорте. В ноябре 36-го в эксплуатацию пустили первый электрифицированный участок дороги Минеральные Воды – Кисловодск.

Именно на Северо-Кавказской дороге зародилось знаменитое в те годы ореховское движение (новый подход к выправке кривых участков пути).

И первым в стране Почётным железнодорожником стал труженик этой магистрали – диспетчер Грозненского отделения С. Кутафин, разработавший и внедривший очень прогрессивный (по тем временам) метод скоростного движения сборных составов.

Пассажирские перевозки СКЖД резко возросли к 40-м годам. Для граждан Советского Союза уже не было роскошью прокатиться по путёвке в Новороссийск или в Кавказские Минеральные воды.

В связи с этим намечалось увеличение и самого здания, и станции; однако на страну упала тень от фашистского сапога.

После очередного арналёта от Ростовского вокзала ничего не осталось.

Поднимали его из руин пленные немцы.

Со временем возвели ещё одну часть вокзала с целью разгрузить первую. Было решено отправить туда все пригородные поезда. Год спустя построили и отдельный вокзал, однако станция «Ростов-Главный» всё же осталась одна.

Одна.

Но из двух частей: Главная и Пригородная, им соответствует два вокзала, аналогичного названия.

То есть, хотя Пригородный вокзал и относится к станции «Ростов-Главный» (станции «Ростов-Пригородный» нет и не было никогда), фактически он вполне самостоятелен.

У каждой части свои пассажирские платформы, своя нумерация путей, свои билетные кассы, а также свои информационные объявления о прибытии и отправлении поездов. У вокзалов – у каждого – свой отдельный вход со стороны города, отдельная остановка общественного транспорта.

Вот так, по-хитрому.

Что ещё можно о них сказать?

Главный Железнодорожный вокзал Ростова-на-Дону расположен у западного конца улицы Большая Садовая – нашей главной улицы.

И он очень удачно занял место в историческом и давно сложившемся центре Южной столицы, рядом с улицей Привокзальной.

Хотя, на самом деле, скорее всего это улица Привокзальная подстроилась под Железнодорожный вокзал – она обладает всеми свойствами, которые ей и нужны: во-первых, в самом центре города; во-вторых, с высокой интенсивностью движения, а, значит, район расположения вокзала характеризуется очень хорошим уровнем доступности всеми видами транспорта.

А Привокзальная площадь имеет настолько удобные переходы, подъезды, остановки и зоны стоянок, что даже от наиболее удалённого вагона пассажиру – с чемоданами, естественно – удобно будет шествовать до остановок трамваев и автобусов.

В 2000 году здание Главного вокзала с гостиницей (возведённое в 70-х годах) было решено реконструировать. А также реконструировать и, вообще, всю станцию, которая, если честно, находилась в крайне плачевном состоянии. Пригородную же часть и вовсе закрыли.

Вот за минувшие десять лет и соорудили новые платформы, новую переходную галерею.

Сегодня Главный поражает своими размерами; сюда сходятся железнодорожные линии со всех окрестных регионов.

Общая его площадь составляет более 20000 тысяч квадратных метров.

И рассчитан он на обслуживание 2200 пассажиров в сутки. В зале ожидания аж 600 посадочных мест!

Вокзал по-прежнему 3-этажный. На станции 3 платформы и 5 основных путей. Шестой, седьмой и восьмой пути предназначены для манёвров. Все вместе платформы вмещают 28 вагонов.

Поезда дальнего следования курсируют по направлениям: Адлер, Анапа, Армавир, Ейск, Кисловодск, Краснодар, Москва, Новороссийск, Симферополь, Харьков.

Весь комплекс вокзала «Ростов-Главный» включает в себя гостиницу, пассажирское здание, пассажирские платформы с навесами, конкорс, административный корпус, здание служебно-бытового корпуса, а также ещё некоторое количество устройств, необходимых для обеспечения его самой главной функции – передвижения поездов.

В непосредственной близости от Главного расположился вокзал Пригородный.

Год его рождения – 62-й.

Пригородная часть практически идентична главной, только платформы намного короче, рассчитаны на 18 вагонов, вокзал меньше и вместо переходной галереи простой переходной мост.

Первая платформа – высокая.

Электропоезда с Пригородного вокзала следуют по направлениям: Краснодар, Лихая, Таганрог, Тихорецкая.

С пригородного вокзала Ростова-на-Дону ежедневно отправляется 35 пар обычных электропоездов и 3 пары скоростных.

Грузовые поезда через Пригородный вокзал практически исключены. Только в редчайших случаях.

Прежде чем начать рассказ о современности этого вокзала, давайте вернёмся на некоторое время назад.

Коробка здания просуществовала всё своё время без изменений долгие годы – практически с момента постройки. Проход на платформы был свободным. Применялся лишь так называемый перронный контроль.

Но старый вокзал уже не справлялся с существующим пассажиропотоком, поэтому было принято решение о его реконструкции.

Началась она в 2005 году с целью внедрения автоматизированной системы оплаты, контроля и учёта проезда в электричках.

28 декабря 2006 года в Ростове-на-Дону состоялось официальное открытие Пригородного вокзала после реконструкции.

В результате проведённых работ вокзальный комплекс стал соответствовать всем современным требованиям.

В ходе работ было полностью реконструировано старое здание, оборудован новый просторный кассовый зал, расширен зал ожидания.

Установлены две линии турникетов; выполнены работы по переносу билетных касс в здание вокзала, реконструкции переходной галереи, улучшению информационного обеспечения.

В помещении, где раньше располагались камеры хранения, появилось уютное кафе. Благоустроена и сама территория, прилегающая к вокзалу.

На сегодняшний день этот вокзал является крупнейшим на СКЖД по количеству отправленных пассажиров в пригородном сообщении.

В среднем в сутки здесь обслуживаются более 10 тысяч пассажиров. Или более 4 миллионов в год!

А ночью Пригородный вокзал закрыт. Время его работы с 4.00 до 23.00

Вот такие два вокзала на СКЖД – два-в-одном!

***

А наша СКЖД была одной из первых железных дорог, где создавались сервис-центры. Сейчас их уже 10.

Работает такой и на вокзале Ростова.

Здесь пассажирам и горожанам оказывают услуги по оформлению проездных документов отсюда – и до любой станции России, стран СНГ и дальнего зарубежья; бронируют места.

Можно также приобрести путёвки в санатории и пансионаты; воспользоваться факсом, электронной почтой, услугами фотографа; заказать такси, гостиницу и даже билеты в театры.

Для проведения семинаров, совещаний и деловых встреч предоставляются бизнес-залы и залы повышенной комфортности.

Преобразились и фирменные поезда, формируемые на магистрали. В настоящее время завершена программа по обновлению их внутреннего и наружного интерьера.

Сегодня в 6 фирменных поездах СКЖД для повышения качества обслуживания пассажиров предлагается немало новшеств.

26 вагонов СВ оборудованы теле- и видеоаппаратурой; в штабных вагонах предусмотрено бытовое купе для продажи пассажирам средств личной гигиены; есть купе для проезда инвалидов с автоматическими подъёмниками; душ.

Имеется сотовая связь; предусмотрена бегущая строка с информацией о городах и регионах, входящих в маршрут поезда, о температурном режиме вагона и его порядковый номер.

В составах фирменных поездов курсируют вагоны повышенной комфортности, в которых предусмотрено питание пассажиров.

Постоянно улучшается сервис, сокращается время в пути.

Северо-Кавказская железная дорога – технически оснащённая магистраль

В настоящее время на ней продолжается внедрение новых информационных технологий в рамках поэтапного ввода в действие Южного регионального центра управления перевозками, находящегося также в Ростове-на-Дону.

На СКЖД ведётся планомерная работа по модернизации и внедрению новой техники и передовых методов труда. Но заботы сегодняшнего дня, устремлённость в будущее не мешают бережно относиться к истории, хранить лучшие традиции.

Музей железнодорожной техники под открытым небом СКЖД был открыт в Ростове-на-Дону 1 августа 2003 года, в канун дня железнодорожника, и стал филиалом Дорожного музея истории, которому в 2010 году исполняется 50 лет.

Идея его создания родилась в ещё 1991 году.

Общая длина экспозиционных путей Музея составляет 1900 метров.

На сегодняшний день здесь разместилось более 50 экспонатов, в их числе паровозы, многие из которых довоенного выпуска, но сохранившиеся в действующем состоянии; пассажирские вагоны; первые электровозы и тепловозы; путевая техника. Установлены светофор и гидроколонка.

А ещё есть единственный сохранившийся на СКЖД 45-тонный грузоподъёмный кран постройки 1935 года и настоящий механический семафор.

Одними из самых старинных и уникальных экспонатов являются вагон Глостера, построенный ещё в 1869 году и трёхосная румынская цистерна 70-х годов XIX века. Цистерна относится к трофейному подвижному составу. Вплоть до передачи в Музей она использовалась на дороге для хранения химических веществ.

Качество старого покрытия внутренней поверхности позволило ей прослужить больше века!

А с мая 2005 года Музей стал инициатором ежедневных ретро-туров для ростовчан и гостей города.

В составе ретро-поезда – два вагона и паровоз, выпущенный в 40-х годах прошлого века.

Продолжительность поездки составляет чуть больше двух часов. В пути предусмотрена остановка на станции Гниловская, где и расположен сам Музей. Для пассажиров по нему проводят экскурсии.

Отправление ретро-поезда: Пригородный вокзал, с понедельника по пятницу в 10.38, в субботу и в воскресенье в 13.50.

Музей железнодорожной техники СКЖД признан одним из лучших на сети дорог.

А не так давно на Главном железнодорожном вокзале Ростова-на-Дону открылась выставка уникальных фоторабот. Она проедет ещё и через Минеральные Воды, Пятигорск, Сочи и Ставрополь.

Много лет эти фото хранились в архиве музея СКЖД. И вот теперь представлены вниманию пассажиров на втором этаже Главного вокзала.

На снимках – старые вокзалы Северо-Кавказской железной дороги. Фотографии с полной уверенностью можно назвать уникальными: возраст некоторых из них насчитывает два столетия. Собранные вместе, они представят посетителям всю историю развития СКЖД.

А на протяжении всей истории своей деятельности Северо-Кавказская магистраль была известна не только производственной деятельностью, но и прекрасными культурными, лечебными, учебными и спортивными учреждениями.

Например, расположенная в Ростове-на-Дону Детская Северо-Кавказская железная дорога имени Юрия Алексеевича Гагарина была построена и пущена в эксплуатацию ещё в ноябре 1940 года

– 70 лет назад – и за время своего существования воспитала немало поколений железнодорожников, которые работали впоследствии практически на всех магистралях Советского Союза.

Широкую известность имеет Дорожная больница, признанная одним из лучших лечебных заведений области.

Славится спортивно-культурный комплекс «Экспресс», куда приезжают выступать самые известные спортивные коллективы России.

А роскошный Ростовский дворец культуры железнодорожников, отметивший в прошлом году своё 75-летие, сам воспитал немало знаменитых коллективов.

***

Не так давно на Главном железнодорожном вокзале появился большой циферблат – это самые большие и точные часы в области. Видны издали – ведь вознесены на высоту почти в 60 метров.

Изготовили их по специальному заказу в Германии.

Коррекция осуществляется через спутниковую антенну. На околоземной орбите сейчас находится 28 спутников, сигналы с которых и улавливают ростовские вокзальные часы.

Диаметр циферблата – 6 метров. Минутная и часовая стрелки – длиной 2 с половиной и 2 метра соответственно. Управляет всем механизм размером с небольшой чемодан.

Новый хронометр – это один из этапов реконструкции железнодорожного вокзала.

Подобные часы, но меньшего размера, прекрасно зарекомендовали себя на станциях Октябрьской железной дороги и в Армавире.

***

Что ещё сказать о нашем вокзале?

Летом 2006 года в Ростов-на-Дону прибыла съёмочная группа художественного фильма «Тиски». По сценарию действие нескольких важных сцен происходит на Главном железнодорожном вокзале и в вагоне движущегося поезда.

Съёмки проходили в июле и в сентябре на участке Ростов – Батайск. Для этого был использован один целый электропоезд и один вагон дальнего следования.

В письме режиссёра кинокартины Валерия Петровича Тодоровского говорится: *«Телекомпания «Режиссер-Синема» выражает благодарность работникам Северо-Кавказской железной дороги за помощь в организации и проведении съёмок. Особо хочется отметить слаженную работу машиниста локомотива Виктора Николаенко и помощника машиниста Валерия Бабиана, которые проявили личную инициативу и мастерство в организации съёмок».*

В конце своих строк Тодоровский выразил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

***

А по итогам прошлого, 2009 года, Северо-Кавказская железная дорога была признана лучшей в России.

***

*

«ПРИЯТНАЯ И ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ ФОРМА...»

*Стараниями культурных людей
в Ростове-на-Дону
положено начало учреждению,
развитие которого так желательно
для изучения, собирания и сохранения
местных памятников старины.*

А. А. Миллер,
хранитель Русского музея
Императора Александра III

История создания Ростовского областного музея краеведения уходит в век XIX, когда градоначальник Андрей Матвеевич Байков в 1865 году впервые поставил перед ростовцами вопрос о необходимости открытия в купеческом городе музея – с того события уже отсчитано 145 лет.

Но прошло не одно десятилетие, прежде чем (благодаря стараниям учёных, краеведов, членов городской думы, меценатов и жертвователей) городской музей начал свою жизнь в красивом здании по Думскому проезду.

Случилось это весьма замечательное событие 1 мая 1910 года.

Формированием первых коллекций музея занялось организованное в 1909 году Ростовское-на-Дону общество истории, древностей и природы, возглавляемое известными краеведами – городским штейгером Михаилом Борисовичем Краснянским и преподавателем мужской гимназии Александром Михайловичем Ильиным.

Музей успешно функционировал 4 года, но началась Первая мировая война.

А потом – и революция.

Всё национализировали.

После октябрьского переворота перед правительством молодого советского государства встала серьёзная проблема сохранения культурно-исторических ценностей.

28 мая 1918 года был утверждён музейный отдел Наркомпроса – центральный и единственный орган, объединяющий, контролирующий и управляющий музейной жизнью и делами охраны памятников искусства и старины на территории РСФСР.

На Дону, где шли жестокие бои с внутренней контрреволюцией, к организации местного музейного управления подошли, естественно, позднее.

В январе 1920 года Донисполком приступил к решению вопросов экономического, хозяйственного и культурного строительства. Мечталось создать *«наилучшую охрану памятников искусства и старины, правильности поставки их научного и материального учёта, целесообразности организации музейного дела»*.

Созданием музейной сети на местах занимались так называемые «Губподотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины».

Корявое и нелепое слово для обозначения такого красивого дела.

Но, видимо, как корабль назовёшь...

Вот выписка из общей характеристики нашего музея: *«Ростовский музей древностей, помещавшийся в одной полутёмной комнатке, завален всякого рода портретами гласных городской Думы, градоначальников, чучелами птиц, раковинами и пр. В нём нет ни одной ценной картины, сколько-нибудь систематической коллекции.*

В других городах музеи далеко не в лучшем состоянии».

Фраза *«не в лучшем состоянии»* очень смягчала действительность.

На самом деле – как указывалось в докладе (от 9 марта 1920 года) инструктора Ростовского музея Бориса Березарка – *«государственная работа в области по охране значительно запоздала у нас. Расхищены все хранилища старины, бывшие до сих пор в нашем крае»*.

И далее, к примеру – о Новочеркасске: *«Картина погрома и разрушения. Заведующий даже не знает, какие экспонаты увезены и какие разграблены потом»*.

Та же горестная картина разграбления в Войсковом музее, в соборе Старочеркасска, да и почти везде по Дону.

Пришлось начинать работу по восстановлению старых музеев Ростова и Новочеркасска. В короткое время необходимо было произвести учёт имеющихся собраний; пополнить их новыми ценностями; открыть специальные отделы; решить множество хозяйственных вопросов, связанных с ремонтом; добиться выделения дополнительных помещений и средств.

На реорганизацию Ростовского музея отводились довольно короткие сроки, и за это же время необходимо было создать картинную галерею.

Коллекцию формировали путём приобретения картин и художественных ценностей у частных лиц, у антикваров.

Не всегда законно.

В состав комиссии (занимающейся отбором и оценкой поступающих в музей предметов) пригласили нашего знаменитого земляка Мартироса Сергеевича Сарьяна.

Но будущую коллекцию нужно где-то расположить! Сначала предлагался особняк Николая Парамонова. Потом переиначили.

Первому Донскому Советскому музею отдали его старое помещение – бывшего городского музея по Думскому проезду, № 51.

1 мая 1920 года Первый Донской областной Советский музей искусств и древностей был торжественно открыт.

Сохранилась нарядная афиша, оповещавшая о состоянии картинной галереи и коллекции: палеонтология, археология, этнография, оружие, нумизматика, фарфор, мебель.

С лекциями на следующий день выступили заведующий музеем, ректор Донского археологического института А. И. Яцимирский и заведующий областной секцией Я. Яктонович-Назаренко.

За короткое время в музее был создан новый отдел – искусств – под руководством учёного, графика и мастера экслибриса А. Д. Силина.

По инициативе подотдела нацменьшинств и при участии Мартироса Сарьяна в апреле 1920 года был создан Армянский музей по охране памятников искусств и древностей.

Летом развернулась работа по сбору коллекции. Большое место в собрании музея составили дары жителей Нахичевани и материалы, собранные в селе Чалтырь.

Сарьян в отчёте о командировке писал: *«В смысле сохранения особых черт быта армянского крестьянина село (Чалтырь) занимает первое место».*

Армянский Музей разместился в 2-этажном доме купца Гайрапетова, напротив городского театра в Нахичевани.

В Ростовском областном музее краеведения хранятся воспоминания врача Симеона Исааковича Зарифьяна: *«Сюда сносили картины, портреты, редкостные старинные книги из школ, церквей, других учреждений, а также собирали у населения различного рода музейные вещи. В этой работе самое активное участие принимал М. С. Сарьян, а также бывший директор семинарии Ерванд Шахазиз, учителя и граждане города».*

«Всем понятная и привлекательная форма нового музейного строительства», - так охарактеризовал подобную деятельность сотрудник Новгородского музея Никита Порфиридов.

Потребности социалистической культурно-просветительской работы определяли появление новых музеев – революции.

Поэтому уже в июле 1920 года был образован Донской областной музей революции, *«учреждение, вызванное к жизни необходимостью собрать по горячим следам литературные и вещественные памятники одной из величайших эпох русской истории – революции 1917 года».*

27 августа 1920 года Донисполком принял постановление *«О регистрации архивов и библиотек»*, где отмечалось: *«В связи с учреждением музея Революции и Центрального исторического архива на исполкомы и прочие органы гражданской и военной власти возлагается обязанность собирания материалов печатных и рукописных, вещей, относящихся к революции».*

Забирали всё и отовсюду.

Например, в инструкции, разработанной для ликвидации городского ломбарда, утверждалось: *«Литературные произведения, книги, портреты, вещи старины, составляющие культурные ценности, и музыкальные инструменты передавать в Наробраз без оценки».*

Так музею достались картины, рамы, альбомы, старинное оружие, мундиры, исторические и прочие вещи.

Из архива поступили материалы Донского окружного отделения жандармского управления. Тогда же были приобретены дела русского политического сыска, доставшиеся от бывшего комиссара Временного правительства Сватикова.

Состоял революционный Музей из трёх отделов: Мировой войны, Февральской и Октябрьской революций и контрреволюции.

Открывались донские музеи всего на несколько часов в неделю, но – бесплатно. Посетители – школьники, красноармейцы, студенты. В среднем, в год – *«от 3 до 5 тысяч любопытствующих».*

И одним из самых важных направлений работы донских музеев стало создание местных музейных секций. Свою помощь оказывали краеведы, художники, учителя.

Летом 1920 года по инициативе Николая Евгеньевича Лансере, известного художника-архитектора, началась работа по изучению и взятию на учёт памятников архитектуры Ростова и Нахичевани. Планировалась фотофиксация 100 объектов, но из-за отсутствия средств удалось сделать всего лишь 25 снимков.

А летом 1921 года опять произошла реорганизация местных музейных органов. Был организован Донмузей, разработано положение и Устав Донского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы.

Донмузей делился на три секции: первая – музейная, вторая – учёта и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы. Третья секция – научно-методическая – занималась разработкой методики, вопросами кадровой политики, организацией съездов.

С ноября 1921 года в деятельности музеев наступает сложный период – печально-знаменитые «чистки» партии.

Комиссия Наробраза сократила число работников комитета с 6 до 1 человека.

Это сразу же отразилось на работе:

- несколько музеев вообще сняты с госснабжения,
- Старочеркасское историческое древлехранилище становится филиалом Новочеркасского музея природы и истории,
- Донской областной музей революции переведён в ведомство Донполитпросвета (а его экспонаты просто свалили в одну кучу),
- Армянский краевой музей истории и древностей согласно распоряжению Главмузея передан Армянскому правительству и увезён в Эривань,
- полгода не работал музей в Новочеркасске.

Только через два года подняли вопрос о Донских музеях.

А в 1926 году, в связи с созданием Северо-Кавказского края с центром в Ростове-на-Дону, было принято решение о Северо-Кавказском музее горских народов.

Этот музей долгое время занимал отдельный зал в Донском областном музее, затем перешёл в здание по проспекту Будённовскому, № 60.

В 1930 году был открыт Музей революции в здании ротонды в Городском саду.

А Музей горских народов потом упразднили. Часть его коллекции отправили в Ставрополье, часть – вошла в состав нового музея, всё ж таки получившего парамоновский особняк на Пушкинской (ныне библиотека Госуниверситета).

В 1937 году родилась Ростовская область и Городской музей стал называться Ростовским областным краеведения.

Так что, Музей – ровесник области. Он открыл двери свои для посетителей в ноябре 1937 года.

В 1938 году художественное собрание было выделено в самостоятельную Картинную галерею (ныне Ростовский областной музей Изобразительных искусств).

А потом наступил июнь 41-го...

Лютое колесо оккупации прокатилось по столице Дона дважды.

Коллекцию эвакуировать не успели – от неё ничего не осталось.

В архиве музея хранится документ «Сведения о нанесённом ущербе Областному музею краеведения во время немецкой оккупации с 23/VII-1942 г. по 14/11-1943 г.».

На семидесяти страницах машинописного текста перечисляются сгоревшие и разграбленные экспонаты. О судьбе фонда особого хранения сказано, что он *«преступно изъят комендантом музея и сдан бургомистру города Нахичевана»*.

А *«13 февраля 1943 года накануне отступления из Ростова немцы сожгли здание музея, предварительно выбрав оттуда самые ценные экспонаты»*.

Среди утраченного – например – мумия Птоломеевского периода (IV век до н. э.), серебряная чаша II-III веков н. э., золотые подвески, статер Александра Македонского, византийская золотая монета, роскошная краеведческая библиотека.

Вот так, стоит только на одну минутку задуматься – и каждый раз приходишь к выводу, что отголоски той страшной войны будут преследовать нас постоянно.

И везде...

После освобождения города в феврале 43-го уцелевшим сотрудникам пришлось в тяжелейших условиях отсутствия помещения и средств воссоздавать всё заново.

Была проведена фотофиксация разрушений в Ростове, собраны образцы военной техники и вооружения. Музейщики занялись поиском сохранившихся экспонатов, а также сбором трофейного оружия.

Вскоре на площади Дома Советов была организована выставка сбитых немецких самолётов.

В 1943 году Областной музей объединился с Музеем революции, также потерявшим свой дом – ротонду и коллекцию.

Так как в лежащем в руинах городе сложно было найти помещение для музея, то после освобождения Таганрога – 30 августа 1943 года – в здании Таганрогского музея выделили несколько комнат для музея Ростовского.

Тогда директором был П. Мызников. При нём городские и областные власти, наконец, решили вопрос о здании для музея в Ростове.

По данным БТИ первая справка о принадлежности музею дома по улице Фридриха Энгельса, № 87 (теперь – Большая Садовая, № 79) относится к 1951 году.

До революции здесь располагалась контора по реализации сельскохозяйственных машин фирмы «Гельферих - Саде», а в советское время владельцами были две организации: «Сельхозснаб» и «Геологоуправление».

По архитектуре здание уступало довоенному.

2-этажный дом П-образной конфигурации располагался в глубине двора, как бы окаймляя его. Входили с Энгельса через две красиво оформленные парадные двери.

Здание в момент передачи его музею находилось в плохом состоянии. Требовалось не только восстановить, но и приспособить его для музея. Интерьер перепланировали, на первом и втором этажах появились анфилады экспозиционных залов.

Ремонтно-восстановительные работы здания и составление его коллекции велись жёсткими темпами – хотели успеть к 40-летию Октября.

Но ни строители, ни музейщики со временем не считались – надо, значит – надо!

Сотрудница Н. Г. Фрадкина вспоминает:

«Помню, однажды я так заработалась, стоя на коленях на полу, что не заметила времени. Оглянулась – никого нет. Решила уходить, а вход временно, до окончания строительных работ, был с восточной стороны музея с соседнего двора. Подошла к двери – она закрыта, обошла заваленные досками и строительными материалами залы первого и второго этажей – опять никого не обнаружила. На втором этаже в зале, который обращен фасадом к улице Энгельса, отсутствовала часть стены, но зато были строительные леса, по ним я и спустилась во двор».

И когда музей получил, наконец, свой новый дом с прекрасным двориком и открыл новую экспозицию – это стало праздником не только для сотрудников, но и для всех жителей Ростова-на-Дону и области.

А распахнулись двери утром 7 ноября 1957 года.

Сотрудники говорят, что *«трудно сейчас представить, какой был наплыв людей, шёл сплошной поток».*

Одновременно с Музеем открылся и небольшой планетарий.

В соответствии с проектом сделали со двора новые входы: для самого Музея – в центре здания, для планетария – в левом крыле.

На первом этаже находилась фотолаборатория и нашлось место ещё и для одного зала донской природы.

Из Москвы привезли от вдовы Митрофана Борисовича Грекова личные вещи художника, фотографии, документы и картины. С тех пор в Музее существует мемориальный Грековский зал.

Для зала «Дон в период феодализма» вылепили две выразительные гипсовые фигуры казака и татарина в характерных для них одеждах и с соответствующим вооружением. Они открывали экспозицию, посвящённую возникновению донского казачества.

Директором был назначен Константин Величко. Этот человек жил Музеем. Как радовался он успехам, интересным поступлениям, ценным находкам!

Такой же была и вся команда. Эти люди умели невозможное.

В начале 60-х годов в стране развернулась очередная кампания сокращения расходов на культуру, которая вылилась в закрытие «ненужных» музеев.

И в этот период Музей открывает филиал – археологический музей «Танаис»!

В те годы работал здесь Павел Шестаков – впоследствии известный писатель.

Экспозиционные работы в Музее продолжались и после открытия, так как отдел природы ещё не был полностью готов.

Особенно запомнилась диорама «Приазовская целинная степь летом».

Завершённая экспозиция Музея состояла из 17 залов, посмотрев которые, посетитель получал полное представление о географическом положении области, её природе, истории, современном состоянии.

В период работы над экспозицией создавалась новая и библиотека.

В 60-е годы Ростовский областной музей краеведения считался лучшим (среди подобных) в Российской Федерации.

В Ростов часто приезжали за опытом со всех концов Союза. Здесь проходили всероссийские конференции. Трижды Музей участвовал в ВДНХ (павильон «Культура и быт народов РСФСР»). В 1962 году получил на этой Выставке Диплом III степени, а сотрудников наградили медалями.

Говорят, что одна из самых удачных экспозиций Ростовского музея – это «Донской народный костюм». Неслучайно она стала традиционной для отдела истории досоветского периода.

Но не было в фондах материалов об армянской диаспоре Дона, о переселении из Крыма и образовании Нор-Нахичевана.

А ведь это огромный пласт нашей истории и культуры.

Сотрудники Музея проделали поистине титаническую работу. Обращались к горожанам, объездили все армянские сёла.

Фрадкина пишет: *«Помню, как... уговорили одного пожилого человека отдать в музей «чарох» (армянские лапти), которые были у него на ногах. Он их снял и отдал, но от души хохотал. Видно у старика никак не укладывалось в голове, кому и зачем понадобились его старые лапти».*

И далее – судьба многострадального монастыря Сурб-Хач.

В 1967 году в связи со строительством Северного жилого массива Горисполком принял решение о сносе здания этой церкви.

Возмущённая армянская общественность обратилась за помощью в Ереван к председателю республиканского общества охраны памятников, народному художнику СССР Мартиросу Сарьяну – ведь в 20-х годах художник был директором Донского армянского музея. А потом ему пришлось уехать в Армению вместе с экспонатами.

За подписью Мартироса Сергеевича было послано письмо в Ростовский обком КПСС с просьбой сохранить памятник XVIII века.

Обратились и в Москву.

Проволочка была долгой.

Только через год исполком горсовета решил принять под охрану памятник и открыть в нём Музей русско-армянской дружбы – филиал краеведческого.

А краеведческому – соответственно – поручили подготовить концепцию филиала.

Всё шло к тому, что к началу 1970 года намечавшиеся работы будут выполнены.

Но времена меняются – и снова что-то сорвалось.

Но времена снова меняются.

Директором стала Александра Конюхова. 18 июля 1972 года вышел новый приказ по музею, согласно которому к ноябрю экспозиция в монастыре должна быть завершена. В Ростов из Еревана привезли картины, скульптуры, книги, фотографии, документы, готовые планшеты из музеев.

14 ноября 1972 года, при огромном стечении народа торжественно открыли Музей русско-армянской дружбы Сурб-Хач.

Располагать музей в помещении храма – дело очень некультурное и неприличное. Это – мягко говоря.

Но – такие были времена.

В Питерском Исаакии, к примеру, маятник Фуко демонстрировали, подтверждали, что Земля наша крутится. Как будто в Северной столице больше негде...

Но – такие были времена.

С другой стороны, зато Сурб-Хач хоть как то сохранили.

Почти от всех ростовских соборов вообще рожки да ножки остались.

Или даже – ни рожек, ни ножек...

Сурб-Хач сохранился.

Сегодня же Музей русско-армянской дружбы в скором времени предоставит свою экспозицию для всеобщего обозрения. Кстати – в своём прежнем здании – Гайрапетовском особняке на площади Свободы.

Хотя оттуда выселили Пушкинскую библиотеку.

Тоже некультурно. Мягко говоря.

А вот в бывшем здании Краеведческого музея (по Думскому проезду) долго обитала Центральная городская библиотека имени Максима Горького.

Потом оттуда выселили.

Дали дом на Энгельса, № 94 (ныне – Большая Садовая).

Потом и оттуда выселили.

Поскиталась она, поскиталась – по подвалам, по чужим дворам. Наконец, приютилась на Большой Садовой, № 11.

Но весь фонд там, естественно, не поместился, и разбросали библиотеку непонятно как...

Но это всё – просто, к слову.

К отношению к культуре (вообще) и к библиотекам (в частности).

Хотя – библиотеке имени Александра Пушкина, конечно, надо бы располагаться в каком-нибудь роскошном особняке – но – русского происхождения. Он же – не Налбандян, всё-таки, а Пушкин...

Но мы отвлеклись.

В 1974 году в Областном музее – первом из провинциальных музеев СССР – был открыт «Зал редких и драгоценных экспонатов». Собрание – уникальные скифо-сарматские находки донских археологов.

В тёмном зале, на чёрном бархате, в витринах с подсветкой, сверкают изумительные по красоте предметы. Это, конечно, производило большое впечатление. «Зал редких и драгоценных экспонатов» стал жемчужиной Музея.

***

С 1998 года одним из важнейших направлений деятельности Музея краеведения стала работа по социально-значимым проектам с административными органами всех уровней, общественными организациями, учреждениями социальной сферы с целью интеграции музейных технологий в институты гражданского общества.

Такие проекты как «Музей и власть», «Дон – наш общий дом», «Забытый полк» и другие были отмечены в Администрации города и области.

В настоящее время Областной музей краеведения является ведущим музеем области, методическим центром для государственных и муниципальных музеев Дона.

В структуре – отдел музейной педагогики, работающий по авторским интерактивным программам с воспитанниками детских садов, учащимися средних школ, колледжей, лицеев, студентами вузов.

Специальная программа «Музейный мир для всех без исключения» разработана для детей с ограниченным психофизическим развитием, в том числе для коррекционных школ VIII вида.

Замечательные коллекции, насчитывающие более 200 тысяч памятников культуры Донского края – от палеонтологии до современности, – имеют научное и историческое значение и вызывают неослабевающий интерес у исследователей и посетителей.

Экспонаты с большим успехом демонстрировались в Германии, Польше, Франции, Швейцарии, Шотландии и Японии.

На базе Музея ведётся планомерная работа по формированию государственного электронного каталога, изданию тематических каталогов фондовых коллекций, таких как «Донское наследие», «Реликвии донского казачества», «Народы Дона».

Эти каталоги – неоднократные победители ежегодных областных конкурсов издателей и полиграфистов имени Матвея Платова.

Сейчас Музей вплотную подошёл к созданию новой исторической экспозиции, готовит новый зарубежный проект, ежегодно пополняет свои коллекции на 4-5 тысяч единиц хранения. Его научный коллектив ведёт многоплановые научные исследования, издаёт сборники статей, научно-популярную литературу и учебники.

Ежегодно на его базе проводятся музейная и творческая практики для студентов исторического и географического факультетов Южного федерального университета, Донского государственного технического университета, Ростовской государственной академии архитектуры и искусств.

В декабре Музей проводит Донские археологические чтения по итогам полевых сезонов.

Ростовский областной музей краеведения совместно с секцией православного краеведения Ростовской епархии занимается организацией ежегодных Донских археологических чтений, посвящённых памяти Святителя Димитрия Ростовского – небесного покровителя Ростова-на-Дону.

Коллектив музея (100 человек) – коллектив энтузиастов, подвижников музейного дела, многие из которых проработали здесь по четверть века и более – все силы и знания отдаёт сохранению и представлению культурно-исторического наследия Донского края.

16 сотрудников имеют отраслевые награды Министерства культуры Российской Федерации.

Неоднократно Музей принимал участие в столичных фестивалях «Интермузей». Многие проекты удостоены Дипломов в номинации «Душа России».

А директор музея Татьяна Ивановна Коневская получила Диплом в номинации «Честь и достоинство профессии».

Вот таким живым, динамично развивающимся и, главное, нужным людям – пришёл Ростовский областной музей краеведения к своему юбилею.

Не зря его посещают более 240 тысяч человек в год

***

Многие имена вписаны золотыми буквами в историю этого Государственного учреждения культуры.

Повторим ещё раз одно имя – мы уже упоминали его в начале повествования.

Но без него наш рассказ будет неполным.

Александр Михайлович Ильин.

Один из основателей Донского общества истории, древностей и природы – краевед, автор многочисленных работ по истории и археологии Дона.

В 2009 году этому Обществу исполнилось 100 лет, оно сыграло значительную роль в организации городского музея.

Родился Александр Михайлович в 1870 году, в Керчи, в семье инженера-строителя крепости. То есть, в 2010-м мы отмечаем 140-летие этого удивительного человека.

Любовь к археологии у Саши Ильина стала проявляться в детстве. Ведь сама Керчь, где каждый камень имеет свою историю, стала главной в воспитании любви к древностям России!

Вскоре после окончания Петербургского учительского института Александр приезжает в Ростов преподавать историю. Сначала – в гимназии Добровольского на Московской, затем в гимназии имени Цесаревича Алексея.

14 сентября 1909 года молодого учителя избирают в состав правления Донского общества истории, древностей и природы.

В феврале следующего года Ильин составил программу систематизации всех материалов по истории и археологии, хранящихся в Ростовском городском музее.

На протяжении долгих лет он являлся бессменным секретарём Общества. Благодаря усилиям Александра Михайловича на этом посту и под его редакцией увидел свет «Каталог Ростовского-на-Дону музея».

Александр Михайлович подарил Музею коллекцию древних монет и предметов археологии из археологических разведок в Пантикапее – это было одно из самых первых поступлений в фондохранилище.

В связи с большим интересом к истории и культуре Донского края в музее принимались заявки на коллективные экскурсии, как пешеходные по Ростову, так и велосипедные в ближайшие к Ростову города и станицы – Старочеркасскую, Аксайскую, Недвиговку.

Экскурсии обычно проводил Александр Ильин.

Ознакомившись с имеющейся литературой в области археологических исследований, объездив все близлежащие населённые пункты с целью выявления археологических памятников, Ильин подготовил курс лекций по истории и археологии Донского края.

Особое место в этих исследованиях было отдано Танаису: он вёл переговоры с местными жителями, приобретал древности у обывателей.

С именем Александра Михайловича связано начало местных археологических изысканий на Дону. Он исследовал Братский и Олимпиадовский курганы, Недвиговку, Усть-Темерник.

Результаты многочисленных работ по древней истории Ростова, запросы в архивы Владикавказа для ознакомления с документами крепостей Святой Анны и Святителя Димитрия Ростовского, поездка в Воронеж с целью установления контактов с местной архивной комиссией стали основой для его книги «История Ростова-на-Дону».

За большую научно-исследовательскую деятельность по совокупности работ надворному советнику Александру Ильину было присвоено звание профессора.

Всё это было до 17-го года.

В советское время Александр Михайлович продолжал свою деятельность на поприще донской истории.

Но в 1931 году приходит беда. Жертвой репрессий – в прямом смысле – Ильин не был.

Но остался без работы и без пенсии, хотя трудовой стаж имел впечатляющий – 41 год.

И хотя он отмечает: *«Я со стоическим упорством переношу все невзгоды, холод, ненависть, темноту»* – но продолжает работать.

Единственное, с чем трудно мириться – одиночество: *«Всегда дома я один. Моё общество – мои книги, мои дела, мои рукописи, моя картотека и мои реликвии»*.

Реликвиями были семейные фотографии, письма. И уникальная коллекция марок – он собирал их всю жизнь.

27 марта 1937 года редкий по дарованию историк Александр Ильин ушёл из жизни.

Ушёл одиноким, тяжело больным и нищим, унеся с собой огромные знания по истории, географии, археологии, нумизматике, филателии.

В советское время об Александре Ильине не вспоминали.

Лишь в 90-е годы прошлого века была переиздана его книга о Ростове.

Сегодня Ростовский музей собирает материалы о жизни одного из своих создателей.

***

Как написано на сайте самого Музея, «с 2001 года наш Музей – член Союза музеев России. Мы любим наш Музей, гордимся им, и очень хотим, чтобы эти чувства разделили и вы.

Чудесных мгновений, удивительных открытий Вам, уважаемый гость нашего сайта, во время знакомства с нашим Музеем!»

Что ж, мы с удовольствием разделяем эти чувства.

Что самое главное в работе любого музея?

Он должен быть гармоничен по интерьеру и коллекции.

В Ростовском областном – эта гармония – налицо.

***

*

СУЩНОСТЬ ЗАГАДОЧНОГО ВОСТОКА

Мартирос Сергеевич (Саркисович) Сарьян.

Народный художник СССР.

Герой Социалистического Труда.

Действительный член АХ СССР.

Действительный член АН Армянской ССР.

Председатель Союза художников Армянской ССР.

Депутат Верховного Совета Армянской ССР.

Лауреат Ленинской премии.

Лауреат Сталинской премии.

Кавалер орденов Ленина,

Трудового Красного Знамени,

«Знак почёта».

*Цвет – это истинное чудо!
В сочетании с солнечным светом он создаёт
внутреннее содержание формы,
выражает суть вселенского бытия.*

Мартирос Сарьян

Солнце!

Ты посмотри, какое солнце в вышине!

Солнце!

Оно тепло своё дарит тебе и мне! -

так пел четверть века назад популярный советский певец Яак Йоала.

И именно так, только так – с буйством солнечного света ассоциируются картины художника, о котором у нас пойдёт речь.

Его полотна буквально залиты южным солнцем.

Глубокие синие тени; природа в летнем уборе; щедрое изобилие цветов, фруктов; смуглые с огромными глазами – как египетские маски – лица восточных женщин. Всё это органично сливается в единый узор на его картинах.

***

Россию он узнал раньше, чем Армению.

Мартирос Сергеевич Сарьян родился 28 февраля 1880 года в купеческой семье. Не на своей исторической родине, а в нашей донской Нахичевани, ныне – Пролетарский район Ростова.

Саркис Мкртичевич и Устианэ Багдасаровна приобрели небольшой участок земли на хуторе. У них было девять детей – шесть братьев и три сестры. Мартирос по старшинству – седьмой.

«В степях Приазовья, недалеко от речки Самбек, заросшей камышом, протекающей по зелёным лугам, немного выше её берегов, на бугорочке, отец мой построил домик из сырцовых кирпичей, покрыл его крышу камышом, и мы зажили в этом одиноком домике в степи...

Наша большая семья жила в нём как во дворце...

Поблизости никакого жилья... Величественное небо и широкая степь, с буграми и «миражными курганами» на горизонте, давали возможность наблюдать за всеми явлениями природы, связанными не только со временами года, но также утра, вечера, дня и ночи.

Высокие травы с бесконечным количеством цветов, с реющими над ними миллионами многоцветных бабочек и спящих под ногами или греющихся на солнце ящериц. Яркое солнце, до изнурения жаркие дни... Детское восприятие всего этого неопишимо грандиозно и фантастично...» - так отразилось раннее детство Сарьяна в книге его воспоминаний «Из моей жизни».

Это – та же самая северная окраина донских степей, которые дали русскому искусству и Архипа Куинджи.

Бабушка у Мартироса была верующая. Конечно, и отец, и дед тоже.

В отрочестве будущий художник и сам пел в церковном хоре, а преподавателем был будущий католикос всех армян Георг VI. Позднее они станут друзьями и Сарьян войдёт в совет Эчмиадзина – духовного центра армянской церкви.

Так впитывалась атмосфера, создаваемая армянской апостольской церковью. До конца своих дней помнил он песнопения, созданные крупнейшими авторами средневековья, и христианское мировосприятие и нравственная чистота всегда остались определяющими.

Впечатления детских лет не забывались. Они зародили в художнике не только любовь к природе, но и во многом определили в последующие годы его интерес к пейзажной тематике. Уже тогда он пробовал свои силы в живописи.

Хотя жили небогато, но была пора безмятежного счастья – и вдруг внезапная смерть папы.

А Мартиросу – только одиннадцать.

Опеку над младшим братом взял старший – Ованес. В 1887 году Мартирос переезжает к нему в город.

Нахичевань тех лет – один из центров армянской культуры, историю и традиции которой Сарьян многосторонне, тщательно и с искренним увлечением изучал ещё с отрочества. Вместе с тем он свободно говорил по-русски – это был его второй родной язык.

Сарьян, вообще-то, не любил город, не любил скученность домов, то ли дело – степь!

«При доме был двор и маленький садик. Улица была немощённая, и поэтому весной превращалась в непролазное болото, в котором застревали фаэтоны с лошадьми. Люди, пробиравшиеся вдоль заборов, теряли галоши».

Но настало время получать образование.

Увлечение рисованием стало ещё сильнее, когда Мартирос проходил обучение в Нахичеванском четырехклассном городском училище.

Художник всю жизнь помнил первого учителя, Андрея Ивановича Бахмутского – у того была лучшая живописная мастерская в городе.

К пятнадцати годам Сарьян заканчивает армяно-русское общеобразовательное городское училище.

После – недолго работает в Нахичеванской конторе по приёму объявлений и подписки на газеты и журналы. Два раза в день с почты надо было приносить тяжеленные посылки. А когда наступила осень – с распутицей, а затем суровая зима – с морозами и ветрами – эти походы стали совсем удручающими.

Но когда выдавались свободные минуты, Сарьян увлечённо рисовал. Особенно удавались ему донские пейзажи. А ещё нравилось делать наброски проходящих в контору посетителей.

«В свободное время я увлеченно читал газеты и журналы, рассматривая иллюстрации... Среди посетителей иногда попадались интересные типажи. Я садился в глубине конторы, в левом углу у стола и начинал рисовать, конечно, так, чтобы посетители ничего не заметили».

В этой-то – забытой Богом – Нахичеванской газетной конторе и произошёл случай, который, собственно, и изменил жизнь Сарьяна.

Начальство занятия живописью не одобряло, а вот один из посетителей – молодой человек по фамилии Амбарданов, напротив, Сарьяна похвалил.

Стал бы Сарьян Сарьяном или был бы только скромным служащим, который на досуге упражняется в рисовании, – но однажды он изобразил коллегу – старого бородатого казака.

Чем и решил свою участь.

Потому что на следующий день старика свалила какая-то хвороба, он приписал её портрету, вытянувшему из него жизненные силы, и пожаловался на то начальству.

Заведующий произведение искусства разорвал – развеял колдовские чары, а Сарьяну велел навсегда выбросить из головы мысли о своей блажи.

Тут-то и пришёл на помощь старший брат. Он послушал совета того самого клиента Амбарданова и отправил брата младшего в Москву.

Учиться на художника.

Вскоре произошёл ещё один подобный казус.

Последнее свободное лето Мартирос и его репетитор Амаяк Арцатпанян решили посвятить этюдам в живописных окрестностях станицы Каменской.

Удобно устроились на берегу. Мартирос решил запечатлеть на холсте лодочку, а Амаяк – одного из местных казаков, с интересом наблюдавших за живописцами. Число зрителей росло. Но если бы это было обыкновенное любопытство...

Их приняли за цыган. Да не просто цыган, а способных своим малеваньем наслать беду!

Почувствовав, что настроение станичников достигает опасного градуса, наученный горьким опытом Сарьян придумал благовидный предлог, чтобы удалиться.

«Мы быстро собрали свои принадлежности и поспешно улетели, сопровождаемые злыми выкриками разъярённой толпы. Нам угрожали побоями и даже сулили «удовольствие» быть брошенными в воду. Конечно, мы старались сделать вид, что удаляемся с достоинством, но шагали так быстро, что это было очень похоже на бегство».

Но злключения их пленэра на этом не окончились.

Откуда-то появились полицейские с саблями наголо! Впрочем, в лице этих грозных стражей порядка пришло спасение. Полицейские удостоверились, кто есть кто, и успокоили толпу.

И всё-таки не обошлось в этой истории без жертвы. Досталось мальчишке, которого рисовал Амаяк. Родительский урок живописи, преподнесённый ему дома, был жестоким.

Весь в синяках, плача, казачонок приплёлся к художникам – умолять уничтожить шедевр. Пришлось просьбу уважить.

А осенью 1897 года несостоявшийся газетный клерк перешагнул порог Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Кого здесь только не было! Дети мещан и купцов, служащих и священников; дети разных национальностей – словом, *«смесь одежд и лиц, племён, наречий, состояний»*. Чистый Вавилон.

Здание имело уютную закруглённую ротонду, нарядные и торжественные лестницы, – как было не полюбить его! К тому же – имена педагогов, которые и произносить-то боязно: Серов, Коровин, Архипов, Левитан, Васнецов... Но главное – таинственные, такие притягательные запахи красок, гипсов, ацетона и – лекции, беседы об искусстве, жаркие споры о будущем.

Художественная и общественная жизнь бурлила, близился 1905 год, когда Поленов, Серов и Голубкина так смело выступят на защиту тех, в кого стреляли на Пресне!

И сами студенты издавали что-то тайное, подпольное.

В училище Сарьян был одним из лучших учеников. И Серов, и Коровин отмечали его талант, его серьёзность и упорство в работе.

Он получает заказы.

Декорации, выполненные молодым художником для армянских вечеров в Москве, оказались на высоте. «Русское слово» от 9 декабря 1902 года пишет: *«...неуклюжая, огромная эстрада обращена была в площадь старинного армянского города, расположившегося у подножия Арарата. Декорация, принадлежащая кисти Сарьяна, сделана превосходно...»*

В 1903 году Мартирос Сарьян оканчивает обучение, получив диплом и две серебряные медали. А после ещё несколько лет работает в Москве в мастерских своих учителей-художников. Он потратит ещё несколько лет, чтобы *«найти собственную технику, не пользуясь чужим. Я стал искать более прочные, простые формы и краски для передачи живописного существа действительности»*.

Начинается его увлечение искусством импрессионистов, особенно – Поля Гогена и Анри Матисса.

Вот так текла жизнь в Москве.

Но чего-то не хватало...

В одном из интервью Сарьяна спросили, когда он почувствовал в себе художника?

«Да, пожалуй, с той минуты, как я помню себя, - ответил он. - Это был сияющий день в степи под Ростовом-на-Дону. Тысячи насекомых стрекотали в высокой траве, над ней порхали разноцветные бабочки. Заливались жаворонки, необыкновенное счастье охватило меня, счастье от ощущения, что я тоже существую, живу, что слит с ликующей природой, что я – её живая частица».

Донскую степь Сарьян запечатлел не только на холстах. В мемуарах он пишет, как словно зачарованный бегал с детьми за бабочками, а потом *«вконец обессилив, мы валялись на землю и засыпали. Во сне мне удавалось схватить Луну и спрятать её за пазухой или, как зеркалом, пускать её зайчиков»*.

И всё же наши ковры цветов и трав, и гигантский оранжевый диск солнца, опускавшийся над степью, не могли затмить для него других картин – воображаемых.

Картин его родины, о которой ему столько рассказывали.

Наконец появилась возможность поглядеть Восток, и Мартирос отправляется в путешествие по Закавказью. Посещает Ани, древнюю столицу Армении, где знакомится с материалами раскопок. Изучение искусства, природы исторической родины оказало огромное воздействие на всё его последующее духовное и творческое формирование.

Со времени этого первого путешествия на юг Сарьян ясно осознал цель своего творчества: *«Выразить сущность загадочного Востока»*.

Он был счастлив, когда узнал настоящее палящее солнце и настоящий зной.

Это было то, чего не доставало ему и в на Дону, и в Первопрестольной.

Он испытал чувства, неведомые, непонятные никому из европейских художников, увлечшихся в то время экзотикой Востока.

Поэтому Восток Сарьяна так не похож на тот, что писали они.

Критики отмечают, что на полотнах Сарьяна в первую очередь бросается в глаза богатство художественных форм и разнообразие колорита, истоки которого – фольклор; народные песни, по-

священные природе; а также многочисленные образцы народного декоративного искусства, отмеченные истинным богатством воображения; в особенности – хачкары.

Восток же подарил художнику любовь.

Шёл 1915 год.

Весь мир содрогнулся, услышав об армянской трагедии – устроенной турками резне. Сарьян закрыл свою московскую мастерскую. Чем мог помочь он родине, точно не знал, но знал, что в эти дни должен быть именно там.

И Мартирос Сергеевич приезжает в Эчмиадзин, чтобы помогать беженцам из Турецкой Армении.

Потрясению не было предела.

Он – так любивший изображать радости жизни, её ликование, сказочную мечту – увидел измождённых, голодных людей и всюду – трупы, трупы, трупы. Спасшихся от резни теперь косили эпидемии дизентерии и брюшного тифа.

Сарьян взялся помочь молодой матери спасти её детей. Он выхлопотал место в больнице. Но медики оказались бессильны.

Когда Сарьян увидел, как эта женщина своими собственными волосами шьёт из последнего своего платья саван для последнего – пятого ребёнка, его мозг отказался воспринимать жуткую действительность. Пришёл в себя художник только в Тифлисе – туда перевезли его друзья, обеспокоенные тем, чтобы Сарьяна не отняла у них душевная болезнь.

И в Тифлисе, в кафе «Чашка чая», где собиралась армянская интеллигенция, увидел девушку, сразу очаровавшую его своей пластикой, звонким смехом, редким обаянием.

Это была Лусик, дочь известного армянского педагога и детского писателя Агаяна.

«То, что возникло между нами, не было обычной историей, какие часто описываются в романах. Это была встреча двух – словно давно уже знающих друг друга – родных людей, которые только случайно и временно были разлучены», - так писал художник уже на закате своей долгой жизни.

Надо ли говорить, что Лусик стала его женой и верной подругой.

Это – не история из романа. Это – такое редкое, но настоящее счастье.

***

А сюда, в донские края, он возвращался неоднократно. Был здесь летом 1911-го, в период своего первого настоящего признания.

«После долгой разлуки мы опять были вместе, я и моя мать. Мы сидели рядом и молча смотрели вдаль, словно нам не о чем было говорить».

От той поездки остались в памяти походы на этюды в полную степных цветов балку и сад некоего Козлова с расхаживающим там павлином.

Ещё одна, очень недолгая, встреча художника с родными местами состоялась в 1916 году. Затем, в феврале 18-го, Мартирос Сергеевич снова приезжает в Нахичевань, где находилась его семья.

Дом этот, переживший две войны, сохранился.

Маленький дворик, голые ветки винограда прижимаются к самой стене. Скрипучие, но широкие ступеньки на 2-й этаж, высокие, больше трёх метров, потолки, ставни на окнах – ещё сарьяновские.

И ставни, и кафель на печи, и большая дверная ручка – увидевшие XXI век, – со времён его обитания здесь в начале века XX. Это были важнейшие годы в жизни Мартироса Сергеевича. Здесь родились два его сына.

Тогда Сарьян создал ряд небольших натюрмортов и пейзажей, несколько портретов, отличавшихся большим сходством; одним из лучших был портрет Мариэтты Сергеевны Шагинян, написанный в 1919 году.

Крепкая дружба зародилась у художника с молодой поэтессой, сумевшей в те трудные годы открыть в Нахичевани-на-Дону художественное училище. Это Маризетта наняла и привлекла Сарьяна к участию в работе училища.

При её активном посредничестве впервые в Ростове было создано товарищество профессиональных художников, стали устраиваться выставки.

К этому периоду относится его первая работа как книжного графика – обложка книги Шагинян «Ориенталия».

«С её стихами я познакомился раньше, - вспоминает художник, - от стихов этой молодой девушки веяло ароматом, как от букета цветов, и поэтому я решил украсить обложку «Ориенталии» именно цветами».

Так вышло, что гражданскую войну Сарьян с семьёй пережил в Ростове.

После установления советской власти – как мы уже говорили – он принимает самое деятельное участие в организации Ростовской картинной галереи при Донском областном советском музее краеведения, становится инициатором создания и первым директором Армянского краеведческого музея.

Сотрудничает с театром «Театральная мастерская», участвует в выставках профессиональных художников.

В материалах Государственного архива Ростовской области за 1920 год сохранились списки художников, чьи картины выставлялись.

Это Иван Айвазовский, Виктор Верещагин, Николай Дубовской, Иван Крылов, Константин Савицкий и – Мартирос Сарьян. В перечне упоминаются три его работы – этюд и две картины без названия.

Весной 1920 года Музей подготовил к публикации первый каталог картинной галереи. В материалах есть письмо учёного хранителя к художникам Донской области с просьбой сообщить биографические данные и форма анкеты. Анкета, заполненная самим Сарьяном, тоже сохранилась.

К этому же периоду относится и первая работа художника для театра. Мартирос Сергеевич пишет одиннадцать эскизов костюмов к пьесе Карло Гоцци «Принцесса Турандот» Ростовского музыкального театра.

Постановка не получилась; эскизы, к большому сожалению, затерялись; и лишь два из них сохранились и находятся в Центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина в Москве.

В Ростове Сарьян создаёт портрет революционера А. Иоаннисяна – его имя было овеяно суровой романтикой героических лет гражданской войны. Эта работа положила начало замечательному портретному циклу, созданному позднее.

В 1921 году Мартирос Сергеевич навсегда переезжает в Армению, жизнь и природа которой с этого времени становятся главной темой его творчества.

В конце 20-х художник едет в Париж, где после полугодового пребывания организует выставку своих работ – также преимущественно на армянские темы.

По его собственным словам, он там работал увлечённо и с полной самоотдачей.

А в конце 30-х годов произошла ещё одна памятная встреча художника с родным Доном.

Яркий декоративно-монументальный характер сарьяновской живописи всегда делал его желанным художником театра.

Неудивительно, что в 1937 году (готовясь поставить в Театре имени Максима Горького пьесу ростовского автора Фёдора Готьяна «Тигран») режиссёр, заслуженный артист России Юрий Завадский обратился к народному художнику Армении Мартиросу Сарьяну.

Мартирос Сергеевич проявил самый живейший интерес к предложению. Пьеса ему понравилась: действие происходило в горах Армении, где строилась мощная гидроэлектростанция. Особенно покорила яркий образ Тиграна – представлялся как могучий горный орёл, расправляющий перед полётом крылья.

К началу нового театрального сезона эскизы были готовы. Премьеру назначили на 10 марта 1938 года.

Когда открылся занавес – зал замер. Затем тишину взорвал гром аплодисментов. Декорации, представшие перед зрителями, являли собой пейзаж, исполненный яркими сарьяновскими красками.

Эта работа получила высокую оценку в прессе.

Так, областная газета «Молот» писала: *«...Очень помогает восприятию спектакля замечательное оформление народного художника Армении М. Сарьяна и М. Виноградова и чудесная музыка композитора А. Артамонова.*

М. Сарьян – один из лучших мастеров советского изобразительного искусства – создал оформление очень тонкое и поэтическое, гармонирующее с лирическим складом пьесы. Это прекрасная живопись соответственно теме настраивающая зрителя: мягкие очертания гор скрываются в голубой дымке тумана. Доносится лёгкий шум водопада. Солнце ещё не взошло, но по тому, как притихло всё вокруг – молчат птицы, молчат листья на старых, вольно раскинувших ветвях деревьях, – чувствуется, что через мгновение, медленно нарастая, пройдут по земле волны рассвета...»

Яркое и талантливое оформление спектакля до сих пор осталось в памяти тех, кто его видел...

И потом он ещё приезжал на Дон, а наши земляки ездили к нему в Армению.

Ростовский искусствовед Валерий Рязанов рассказывал, как был у него в гостях: *«Когда мы вошли, Мартирос Сергеевич рисовал. Это было естественным и в то же время поражало. Казалось, что 92-летний человек, голова которого седеа, как вершина воспетою им Арарата, никогда не выпускал и не выпускает инструмента художника из рук. Мы поняли, что кисть и карандаш – это просто продолжение его руки.*

Он сожалел, что уже не в силах приехать на Дон и передавал привет землякам».

Ростовчане чтут память своего земляка. На доме № 29 по улице Первомайской установлена мемориальная доска. Его именем названа одна из улиц Пролетарского района.

Полотна Сарьяна хранятся и в собрании Ростовского областного музея изобразительных искусств, и в Таганрогской картинной галерее.

А в Мясниковском районе, в хуторе Чкалов, есть его Дом-музей. Правда, экскурсионных маршрутов туда не проложено, само здание передаётся сейчас с баланса ведомства в муниципальную собственность, документы «зависли» в Москве.

Но в районной администрации надеются на положительное решение вопроса. В пользу тех, кому дорога память о ярчайшем художнике.

***

Судьба уготовила Сарьяну долгий век.

За девяносто с лишним лет он изведаль много мучительно-трудного и несправедливого.

Потерял старшего сына.

По молодости участвовал в печально-знаменитой выставке «Голубая роза», которую пинали все, кто только мог.

В огне пожара погибли его картины, написанные в Париже.

Но и в моменты самых тяжких переживаний он всегда свято и глубоко верил в могущество и конечное торжество светлых начал жизни.

«Задавая себе вопрос, был ли я счастлив в жизни, могу ответить вполне определенно – да. Разве не счастье вступить в жизнь из небытия, осознать своё Я, увидеть свет, день, солнце и

пользоваться бесчисленными благами, щедро, в изобилии предоставленными матерью-природой человеку. Ощущение жизни – ощущение счастья...»

Жизненный путь гениального мастера цвета окончился 5 мая 1972 в Ереване.

В числе его работ – создание герба Советской Армении и оформление занавеса первого Армянского государственного театра.

***

Сегодня один из величайших художников XX века спокойно взирает на соотечественников с купюры в 20 тысяч драмов. На оборотной стороне – фрагмент знаменитого пейзажа «Армения».

В Ереване ему сооружён памятник.

***

*

ПРИВЯЗАННОСТЬ К КНИГЕ

Александр Ерофеевич Глуховцев.

Член Союза художников СССР.

Заслуженный художник России.

Участник Великой Отечественной войны.

*Глуховцевские портреты бойцов –
эта сама военная жизнь, сама военная правда.
И боль той войны, и радость её победы.*

Илья Глазунов,
народный художник СССР

В скрижали истории Краснодарского художественного музея (КХМ) имени Фёдора Коваленко вписаны имена многих замечательных людей: художников, коллекционеров, искусствоведов, культурегеров.

Одно из почётных мест принадлежит Александру Ерофеевичу Глуховцеву. С Музеем его связывали профессиональные интересы художника и длительное творческое сотрудничество. И ещё он подарил Музею свой богатейший художественный архив и собрание графики. Далеко не многие коллекционеры сегодня решаются на такой поступок.

Во всей истории Краснодарского музея, пожалуй, не найдётся примера такой искренней человеческой привязанности и постоянного чувства сопричастности, как у Глуховцева. Уже в 1946 году в КХМ состоялась его первая персональная выставка, спустя 5 лет последовала вторая.

Именно к Александру Ерофеевичу в 1948 году обратились сотрудники с просьбой создать музейный экслибрис. И по сей день книги из богатейшей библиотеки КХМ украшает этот знак.

Сын Александра Ерофеевича Владимир – сегодня уже тоже заслуженный художник России, он часто выступает в стенах Музея с воспоминаниями об отце.

***

Будущий талантливый книжный иллюстратор родился 12 марта 1910 года в крестьянской семье в станице Махошевской (Мостовский район Краснодарского края).

В его биографии были церковно-приходская школа, комсомольская юность, рисование декораций для спектаклей в станичном клубе, учёба на рабфаке Архитектурного института, коллективизация, кавалерийская школа, Великая Отечественная война.

Но чем бы он ни занимался, где бы ни обитал – всегда в его жизни доминировала нацеленность на самообразование и творчество.

Александр Глуховцев оформил около двухсот книг. Более тридцати из них удостоено различных дипломов и наград.

Он был участником более ста выставок изобразительного искусства самого разного уровня – и всесоюзных, и международных.

Глуховцев иллюстрировал русских классиков – Льва Толстого, Александра Пушкина, Николая Гоголя; книги советских писателей. Его рисунки украшают многие детские книги и учебники. Он был первым иллюстратором адыгейского, балкарского и кабардинского букварей.

Основным направлением творческих интересов художника стало оформление изданий по фольклору и этнографии – сказки народов мира, сборники пословиц и поговорок.

А разбросанные частички устного творчества он старался собирать всегда и везде.

Как-то в станице Староминской, ещё до войны, в 1940 году, на базарной площади довелось услышать, как слепой бандурист исполнял песню. Слова и мелодия были настолько впечатляющими, что все вокруг буквально замирали.

*Рэвуть, стогнуть хвыли-горы,
В сынэ`сэньким мори.
Плачуть, тужуть козаченькы
В турэцький нэволи.*

Эта песня (очень популярная среди тобольских каторжан) из драмы Михаила Крапивницкого «Невольник» – переработка поэмы «Слепой» Тараса Шевченко.

Впоследствии Александр Ерофеевич часто рассказывал и о незабываемом впечатлении от исполнения, и о самой этой песне, как о любимой у кубанских партизан. Он говорил, что только певчие из глубинки могут так донести до слушателя весомое слово росса – неважно какого: великого, малого или белого.

Особенно стал вспоминаться незрячий певец в начале 80-х, когда у самого Глуховцева начались серьезные проблемы со зрением.

Но это будет много позже.

А пока – 16-летний Саша Глуховцев приехал в наш город к своей старшей сестре. Собирался поступать в художественное училище. Не получилось. Чтобы заработать на жизнь, пошёл учеником киномеханика в театр «Солей».

«В Ростове – городе большом, с интересной и насыщенной культурной жизнью, где-то с 1926 г. я всё своё свободное время проводил в музее, очень внимательно следил за публикациями работ художников-графиков «Мира искусства», особенно мне нравились работы М. В. Добужинского (его иллюстрации к «Белым ночам» Ф. М. Достоевского произвели на меня неизгладимое впечатление), Е. Е. Лансере (первое, что мне попалось – это «Хаджи-Мурат» в издании И. Д. Сытина)».

В 1929 году по конкурсной путёвке Северо-Кавказского крайкома комсомола Александр едет в Москву на «художественный рабфак». Проучился год, потом добровольно поучаствовал в коллективизации, и снова – учёба. Потом пришёл на Московский электрозавод.

И – знаменитый комсомольский призыв «на самолёт, на танк, на коня». Александр Глуховцев – курсант кавалерийской школы.

В своих записках он признавался:

«...Служба в казачьем полку позволила мне изучить анатомию лошади настолько, что я мог совершенно свободно компоновать рисунок, не прибегая к натурным зарисовкам. Это очень важно для иллюстратора. К тому же, полюбив доброе и красивое животное – коня, я стал анималистом и всю жизнь любил рисовать животных, особенно для детских книг.

...Окончен срок службы. В летних лагерях под станцией Прохладной, я – старшина кавалерийского эскадрона – простился с товарищами по полку. Самое трогательное и грустное прощание было у коновязи с боевым конём. Прикоснулись к моей руке мягкие тёплые губы, последний раз взяли с моей ладони кусок сахара, ломоть хлеба, поцеловал я его на прощание, уходил медленно, оборачивался всё время, а он всё стоял и смотрел мне вслед, словно чувствовал расставание.

... Сентябрьским утром поезд, пересекая Батайскую пойму, подходил к Ростову. Осеннее солнце проливалось на большой город, белый собор и только что построенный театр. Здесь должна была начаться моя творческая жизнь. Что меня ожидало впереди? Как она сложится, эта творческая жизнь?

... Книга и как литературное произведение, и как произведение графическое, полиграфическое завораживала, тянула меня к себе с детства. И я как-то исподволь решился попробовать свои творческие возможности в искусстве книги.

Сняв знаки отличия, во избежание конфликта с комендантской службой, отправился в издательство «Азчериздат». Взял с собой папку с рисунками и набросками, сделанными ещё на рабфаке, взял наброски армейского периода. Там было много рисунков беглых, но были работы, с моей тогдашней точки зрения, и основательные, всё больше натуральных наблюдений животного мира и особенно лошадей.

Встретил меня главный художник издательства Александр Абрамович Мытников-Ковылин, человек весьма интеллигентный и хорошо профессионально образованный. Армейская привычка коротко и чётко формулировать цель позволила быстро установить контакт. Александр Абрамович рисунки рассматривал внимательно, долго, а потом просто и коротко сказал: «Сделайте нам книжку «Охотничьих рассказов» Пришвина»...

Так начинался мой долгий многолетний творческий путь в искусстве книги. Длился он пятьдесят семь лет, до тех пор, когда я начал быстро терять зрение».

«Охотничьи рассказы» Михаила Пришвина, к сожалению, отдельным изданием не вышли. Историю сотрудничества с Азово-Черноморским (впоследствии – Ростовским) издательством продолжают сохранившиеся записки Александра Ерофеевича в документах уже 1936 года.

«...После «Охотничьих рассказов» и небольших работ (обложки, заставки, титулы) весной 1936 г. «Азчериздат» предложил мне оформить детское издание «Адыгейских сказок» в литературном переложении Павла Хрисановича Максимова. Полтора месяца ушло на поиски этнографического, бытового, орнаментального материала и натуральных зарисовок. В этой работе мне очень важен был адыгейский орнамент. Где я его только ни собирал, откуда ни перерисовывал: с одежды, утвари, с жестяных украшений на крышах и водосточных трубах, особо присматривался к вышивке и аппликациям. Жизнь адыгов я знал сравнительно хорошо, станция моя находилась рядом с несколькими адыгейскими аулами. Мы часто общались с соседями. Работал я над книгой три месяца и все три месяца получал огромное удовольствие.

К сказкам было исполнено 12 страничных иллюстраций, 12 заставок, 12 концовок и 12 орнаментальных инициалов. Для 12 небольших по объёму сказок такое оформление по тем временам было богатым, и издательство решило одеть книгу в коленкор с сюжетным тиснением на переплёте. Книга удалась, отзывы в местной и центральной прессе были весьма значительны, как для издательства, так и для меня.

Впоследствии над оформлением адыгейских сказок мне приходилось работать не раз. Я иллюстрировал их издания в адыгейском, краснодарском, ещё раз в ростовском издательствах, в 1959 г. с моими иллюстрациями сказки вышли в Москве, в «Детгизе». Было много тёплых отзывов, одобрения на Всесоюзной выставке книжной графики им был присуждён диплом, но первая моя любовь навсегда осталась с этими, как мне кажется сегодня, ещё несовершенными иллюстрациями

к ростовскому изданию 1937 г. Пожалуй, именно тогда моя привязанность к книге, преданность искусству книги определились навсегда...».

В 1937 году усилилась цензура, художественного редактора начинал подменять цензор, утверждая разрешение каждого рисунка. По требованию цензора с печатных форм удалена монограмма Александра Ерофеевича.

Сам он в устном рассказе вспоминает об этом следующим образом: *«Друзья меня называли по-кавказски «Сандро», отсюда возникла и монограмма «С. Г.» Цензор заявил: «А может быть, она означает «Слава Гитлеру»? Лучше убрать...».*

Начинался год выставкой изобразительных искусств художников Азово-Черноморского края. У Александра Ерофеевича экспонировались иллюстрации к «Адыгейским сказкам».

Тогда впервые (судя по воспоминаниям и документам архива художника) его имя попадает на страницы газет.

Преподаватель Ростовского художественного училища Георгий Алексеевич Тимошин в обзоре выставки особо отметил молодого графика: *«Обычно художественная молодёжь привлекает внимание особым пламенным задором, бурным темпераментом и искрящейся теплотой своих работ. С огорчением приходится отметить обратное явление на выставке. Только А. Глуховцев задерживает заслуженное внимание зрителя на прекрасных иллюстрациях к «Адыгейским сказкам».*

Наиболее интересными работами в конце 30-х годов художник считал «Калмыцкие сказки» и «Фольклор Дона и Кубани». В своём архиве он комментировал:

«Длительно и очень трудно шла работа над иллюстрированием «Калмыцких сказок». Тяжело давался подбор изобразительного материала. Он основывался на монгольской этнографии и живописи дацанов (монастырей в Бурятии). Реакция читателей через прессу – весьма положительна.

... Кроме «Калмыцких сказок» был ещё один очень интересный заказ издательства – сборник «Фольклор Дона и Кубани». Легенды и предания, песни старые и новые – всё это давало широкие возможности для декоративно-графического оформления книги, чем я и воспользовался. Естественно, богатый опыт «мирискусников» давал мне канву и в стилистике, и в художественном использовании литеры-буквы, в чём мастера «Мира искусства» были очень сильны. Я учился у них, работая над заданием. Но – хотелось бы подчеркнуть – очень много для учёбы дало знакомство с типографией, с опытными, хорошей школы, метранпажами (так раньше назывались технические редакторы).

Успех «Фольклора Дона и Кубани» был большим...».

«Адыгейские сказки», «Калмыцкие сказки», «Фольклор Дона и Кубани» выполнены в первом рисунке, типичном для обложек, титульных листов, шмуцтитулов, заставок «мирискусников».

В воспоминаниях 1947 года (Геленджик) возвращается Ерофеев к ещё одному ростовскому довоенному издательскому начинанию. Рассказывая о своей работе над миниатюрными изданиями, он пишет:

«Идея издания книжек-малышек была реализована московским издательством «Детгиз» ещё в конце тридцатых годов. Небольшие книжечки размером в 1/64 часть стандартного формата листа с многокрасочными рисунками были популярны у маленьких читателей-слушателей.

Если у «Детгиза» эти издания были серийными, то в областных издательствах выпуск таких малоформатных книжек был случайным и вынужденным. Так, например, в 1939 г. в Ростове была издана малоформатная книжка «Шинель» Н. В. Гоголя с моими автолитографическими иллюстрациями. Просто в распоряжении издательства оказались обрезки прекрасной бумаги «библипапир». И решили сделать такую книжечку».

Конечно, Александр Ерофеевич рассказывает не обо всех изданиях, оформлением которых ему пришлось заниматься в те годы.

В фондах крупных библиотек достаточно много книг Ростиздата довоенных лет с иллюстрациями Глуховцева, о которых он в своём архиве не упоминает.

В 1936 году вышли «Детство Тёмы» Николая Гарина-Михайловского, издание рассказов Льва Толстого, повести «Маленький джигит» Зои Камянкевич и «Первый ученик» Полиена Яковлева, «Избранные рассказы» Джека Лондона.

С 1936 года по начало войны для Ростовского издательства Александр Ерофеевич оформил около 40 изданий. Одни книги доставляли радость, становились вехой в творчестве художника, другие были просто заработком, третьи делались «поскорей», потому что так требовало издательство.

Иногда художника постигали и неудачи.

В 1937 году Ростиздат выпустил книгу Сергея Розанова «Приключения Травки» (Травка – это мальчик). В ней было 11 глуховцевких иллюстраций.

Но великолепная книжная графика показалась детям недостаточно красочной и картинки старательно разрисовали. Такая книжка была и у меня – Елены Соколовой – досталась от кого-то по наследству. И уже местами подраскрашенная. Я тоже честно внесла свою лепту – доразмалевала оставшееся.

Вот это тот случай, когда художник недооценил своего маленького зрителя – детворе подавай всё яркое и разноцветное.

В 70-е годы по повести «Приключения Травки» был снят художественный фильм с интересной ролью Юрия Никулина – там он играл клоуна – самого себя. И (это лишь моё, возможно, не совсем верное, впечатление) я бы сказала, что цветовое оформление фильма было специально сделано очень насыщенным, в противовес графике Глуховцева.

***

Особое место в творчестве Александра Ерофеевича, естественно, занимает Великая Отечественная. Она оставила своё страшный след в портретах бойцов, многочисленных зарисовках боя, набросках разорённых селений.

После войны художник в Ростове уже не жил. Но его сотрудничество с Ростовским книжным издательством сохранялось и носило активный характер. Примечательная деталь: почти все издания народных сказок, которые подготовил Александр Ерофеевич, так или иначе связаны с Ростовом.

«... Возвращаясь из Киева, - вспоминает художник в бумагах 1957 года, - я заехал в Ростовское издательство, где мне предложили проиллюстрировать «Корейские сказки»... Манеру рисунка избрал «под японцев», а инструментом – кисть и тушь (без размывки), исключая форзац. Изменил и приём: держал кисть по-японски, вертикально, зажав её большим пальцем и мизинцем с одной стороны и остальными пальцами с другой. Сначала было не очень удобно и привычно, но линии рисунка от жирной, насыщенной, до самой тонкой удавались легко и без напряжения. Получалось нечто напоминающее японский рисунок. Композиции инициалов тоже выдержаны в японском стиле – вертикально.

Многие художники упрекали меня в отсутствии личного почерка, манеры. Я же придерживался иного мнения. Нельзя разные по характеру литературные произведения иллюстрировать в раз и навсегда выработанной манере. Даже разные произведения одного писателя.

Мне довелось иллюстрировать «Повести Белкина» – это светлое, ажурное, как кружево, по своей стилистике произведение Пушкина.

Спрашивается, можно ли нарисовать в такой же манере лёгкого ажурного рисунка «Бориса Годунова»? В такой же степени линейный, спокойный рисунок «Калмыцких сказок» никак не может обеспечить эмоционального восприятия образа Андрея Соколова в «Судьбе человека»

Шолохова, где только резкий контраст чёрного и белого может, с моей точки зрения, держать трагический тон событий.

Так же и различные сказки требуют всякий раз свой стиль рисунка.

...Если в моих иллюстрациях к «Адыгейским сказкам» (издания 1936-1937 г.) чёрный силуэт по белому полю и белый силуэт по чёрному воспринимается как приём кавказской черни по серебру, то такой же приём в русской сказке «Репка» будет восприниматься совсем иначе. Когда же мне пришлось исполнять сборник «Сказки народов СССР», то особенности того или иного этноса, народности в первую очередь были выражены не в характере рисунка, а в типаже и костюмах. При этом особая требовательность предъявлялась мной к деталям костюма, утвари, бытовых предметов и пейзажа. Полагаю, что в этом плане «Корейские сказки» мне удалось».

За оформление «Судьбы человека» Михаила Шолохова Александр Глуховцев получил три Всероссийских диплома и был удостоен Большой серебряной медали ВДНХ.

А оформление в 1961 году книги В. Головачёва «Девка-синеглазка: предания и легенды» попало (по результатам конкурса Министерства культуры РСФСР) в число 25 лучших книг России «по художественному оформлению и полиграфическому исполнению» и получило Диплом I степени.

В начале 80-х годов у Глуховцева начало стремительно слабеть зрение. Для художника, тем более, книжного – это трагедия.

И тогда он предпринял своеобразный шаг.

За долгие годы жизни (Александр Ерофеевич умер в 1998 году в Нальчике) у него собралось большое количество всевозможных бумаг, газетных вырезок, фотографий, писем, всего того, что в быту мы «архивом» не называем, но всё-таки храним.

Тогда же он попытался систематизировать сохранившиеся документы по годам, собрать их в папки, начал писать к конкретным документам комментарии-воспоминания.

Он как бы решил перестроить этот свой архив в биографию.

Случалось, что размышления по поводу конкретного документа, незначительного события или обстоятельства вдруг разрастались в развёрнутый текст, вызывали в памяти неожиданные ассоциации, превращались в самостоятельные сюжеты.

Много в архиве Глуховцева материалов о ростовских художниках и о ростовских художественных выставках, о постоянном сотрудничестве с журналом «Дон», о Музее изобразительных искусств, много автографов и дарственных надписей друзей-ростовчан.

И так далее, и так далее...

Архив художника ждёт своих исследователей.

***

*

САМАЯ ПРАВДИВАЯ КАРТИНА

Александр Иванович Лактионов.

Народный художник РСФСР.

Руководитель Союза художников СССР.

Ректор АХ СССР.

Профессор живописи.

Лауреат Сталинской премии.

Лауреат Государственной премии им. Ильи Репина.

Кавалер Ордена Трудового Красного Знамени.

*Меня поразили рисунки этого
совсем юного художника,
которые своим мастерством напоминали
ранние работы Репина и Серова.
Я уже тогда предсказал ему
большую будущность.*

Исаак Бродский,
народный художник СССР

Многие нынешние любители живописи старшего поколения впервые познакомились с самой известной картиной Александра Ивановича Лактионова «Письмо с фронта», вероятнее всего, по почтовой открытке – иллюстрации этого произведения.

Была такая популярная в послевоенное время форма пропаганды советского искусства.

Замечательная, кстати, форма, ибо как ещё мог познакомиться с шедеврами живописи юный школьник, проживающий где-то в глубинке?

Не всё в творчестве Александра Лактионова было однозначно, были успехи и неудачи. Но главное, в его жизни была искренняя любовь зрителей – он многие годы дарил людям радость от общения с прекрасным.

Лактионов был художником разноплановым, ему хорошо удавались и жанровые картины, и портреты, и пейзажи.

Но, собственно, ему бы хватило и одной единственной картины, чтобы навсегда остаться и в истории живописи, и в истории страны.

Когда полотно «Письмо с фронта» в 1947 году появилось на выставке, произошло удивительное событие, которого давно не знала русская живопись: на большую выставку многие зрители приходили ради одной картины. Ей было посвящено более половины записей в выставочной книге отзывов.

Вскоре картина заняла место в Третьяковской галерее, а её репродукции разошлись по всей стране, сделав имя Лактионова широко известным.

***

Путь к успеху был для Александра Лактионова не лёгок. Жизнь никогда не баловала его, даже в детстве.

Он родился 16 мая 1910 года в простой рабочей семье в Ростове-на-Дону.

Мать умерла, когда ему было полтора годика. Отец потом ещё несколько раз женился, но каждый раз – неудачно.

Единственной радостью мальчика было рисование.

Впоследствии он напишет: *«Отец мой был кузнец, мать – прачка. Любовь к рисованию появилась у меня рано. Эту любовь всячески поощрял и развивал мой отец. Когда мне исполнилось шесть лет, я стал заниматься систематически...».*

В голодной и холодной послереволюционной России учиться живописи было непросто.

Но Сашу Лактионова не увели в сторону всякие модные изыски в искусстве. Видимо, он в те годы особенно и не интересовался ими – влекла классическая живопись.

Он любил рассматривать репродукции в старых дореволюционных журналах, мечтая о том времени, когда и сам сможет оживлять красками холст.

Саше повезло, с ним стал заниматься прекрасный художник-педагог А. С. Чинёнов, ещё в 14-м открывший в Ростове школу рисования и лепки – она давала начальное художественное образование.

Видимо, педагог был, как говорится, от Бога, не зря Лактионов вспоминал о том времени: *«Три года обучения в школе пролетели, как светлый сон»*.

Знаний, полученных у Чинёнова, хватило, чтобы в 1932 году поступить в Ленинградскую Академию художеств, а потом её с отличием окончить и сразу же зачислиться в аспирантуру!

В Ленинграде снова повезло.

Ректор Академии (а им тогда был прекрасный художник Исаак Бродский) разрешал студентам с любого курса снова переходить на первый, чтобы профессионально учиться живописи.

И это вовсе не случайно: просто пришла пора от революционности и различных «измов» в живописи переходить к настоящему искусству.

Именно благодаря умению и терпению ректора многие товарищи Лактионова по Академии (Алексей Грицай, Юрий Непринцев, Петр Белоусов) выросли в прекрасных мастеров, чьими полотнами уже много десятилетий восхищаются зрители.

Ну, а студент Александр Лактионов был любимым учеником ректора Исаака Бродского.

Войну молодой художник встретил на невских берегах. Строил укрепления на подступах к городу, тушил «зажигалки» на крышах, рисовал антифашистские плакаты. Из блокадного Ленинграда вместе с Академией отправился в Самарканд.

Горестные дни эвакуации заставили пересмотреть многое.

Вернулся Александр Иванович другим – и как художник, и как просто человек, хлебнувший лиха.

Да и роскошная природа Востока, естественно, не оставила равнодушным.

В начале 44-го он переезжает в Загорск (ныне – Сергиев Посад).

***

Лактионов очень любил и серьёзно изучал картины старых мастеров, пытался сам перенимать некоторые их методы живописи.

Так, он часто применял сложную технику смешанного письма темперой и маслом. Сам готовил краски, руководствуясь старинными рецептами. Делал специальный грунт для работы пастелью, что позволяло сделать картину более долговечной.

В Загорске он написал «Автопортрет в рубище», выполненный в стиле «старых испанцев». Видимо, это была своеобразная проба кисти, так как зрители увидели картину лишь после смерти художника.

А он умер 15 марта 1972 года.

И в Загорске же началась работа над его главной картиной.

Войне – конец! В Третьяковке готовится новая экспозиция.

Когда весной 45-го Лактионов заключил договор на первую последипломную картину, он собирался дать ей название – «Встреча».

Было опробовано несколько вариантов выбранной темы, но всё решил случай.

Проживая в одной из келий Троице-Сергиева монастыря, художник однажды встретил на прогулке солдата – прихрамывающего и с перевязанной рукой.

Шёл тот медленно, останавливался, сверялся с адресом на треугольнике письма.

Лактионов, движимый профессиональным интересом, не замедлил солдатика разговорить, помог ему найти нужный дом и долго потом вспоминал, как открылась дверь, как осветилось радостью лицо женщины, получившей заветный треугольник.

Тема картины «Письмо с фронта» окончательно определилась. Оставалось придумать других героев, разобраться с деталями.

...А холст-то получился огромный, метра два на полтора, стоял прямо на полу, мешал проходу, свет заоконный застил.

А тут ещё коза соседская в гости заглянула, да и проверила подрамник на прочность – боднула и опрокинула картину. Хорошо ещё, не порвала.

Однако дело двигалось. Два года целенаправленной работы и вот – готово. Прямо ко Всесоюзной художественной выставке.

Выставке – 48.

Но прежде – надо довести полотно до Москвы да показать председателю оргкомитета Александру Михайловичу Герасимову, корифею, автору портретов самого Сталина.

Герасимов очень любил такие парадные портреты.

А ведь у Лактионова на холсте – вовсе не маршал или герой войны...

И вот – высочайший просмотр. Герасимов смотрит, вздыхает, но молчит.

Лактионов не выдержал: *«Ну, что скажете, Александр Михайлович?»*

И тот, наконец: *«Ну, что тебе, милый мой, сказать? Молодец!»*

И была в той сдержанной похвале, как показалось Лактионову, не совсем белая зависть...

Оставив картину на выставке, автор возвратился к себе в Загорск, но вскоре получил телеграмму с указанием незамедлительно вернуться в столицу, да ещё с кистями и красками. Делать нечего, пришлось ехать.

А там и узнал, что в Комитете по делам искусств проявили недовольство видом подгнившего пола.

В советской, мол, действительности таких полов быть не может.

В жизни, конечно, такие полы иногда встречаются, но не следует акцентировать внимание. И т. д., и т. п.

Словом, подновить вышеуказанный пол!

К счастью, в том же Комитете бытовали и противоположные мнения, и посему «половой вопрос» предали в этот раз забвению.

Возвращался Александр Иванович с выставки потерянный.

Дома переступил через покосившийся порог и вошёл в длинный, барачного типа коридор.

Вспомнилось, как сообщили из Ленинграда: *«Дальнейшее обучение в аспирантуре нецелесообразно»*.

В газетах печатались многочисленные отзывы о выставке, рецензии и репродукции. Нигде ни единого слова не было о его картине.

И вдруг – 21 апреля 1949 года в 6 утра по радио сообщили, что Лактионов удостоен Сталинской премии за картину «Письмо с фронта».

Не веря себе, художник достал свежие газеты – ошибки не было.

Что же случилось на самом деле?

Уже в день открытия у картины толпились зрители. Народу было так много, что экскурсоводы жаловались: невозможно по лестнице проводить группы.

Зрители как бы стояли вместе с героями картины в дверном проёме. Солнечный свет на лицах, на одежде, на полу. И можно увидеть не только сцену чтения письма, но и понять, что было до этого момента и что будет после. А подробности: покосившийся порог, прогнившие доски, осыпавшаяся штукатурка, старые, стоптанные туфли женщины – всё было как в жизни.

И хотя критики молчали, народ высказался вполне определённо, оставив многочисленные отзывы: *«Самая интересная и правдивая картина на всей выставке»*, *«Никто не мог написать свет лучше него»*, *«Смотришь и не веришь, что такое возможно»*.

Примерно в том же духе заявил и сопровождавший правительственную комиссию заместитель директора Третьяковской галереи Г. В. Жидков: *«Такого интереса зрителей к одной картине здесь не наблюдали со времени катастрофы, произошедшей с картиной Ретина «Иван Грозный и сын его Иван».*

Комплимент был сомнительным, ибо там речь шла о нападении душевнобольного зрителя на репинскую картину, а здесь – единодушие в оценке, и оценке – высокой.

И – тем не менее.

Сам Александр Иванович не ставил перед собой каких-то сверхзадач: *«В этой картине мне хотелось показать столь понятное каждому советскому человеку чувство радости от получения письма, изобразить советскую семью, горячо переживающую события на фронте и радующуюся успехам советских воинов».*

Ведь сюжет «Письма...» очень прост. В каком-то небольшом русском городе у широко распахнутой двери старого деревянного дома собралась семья фронтовика. Долгожданную весточку с фронта принёс раненый боец. Мальчик читает письмо отца вслух, бережно держа перед собой дорогие листки.

Написанная светлыми, ликующими красками, композиция буквально наполнена солнцем: золотыми лучами пронизано небо, белокурые волосы девушки, кажется, что светится сам воздух.

Во всём ощутимо дыхание близкой и такой желанной Победы.

***

Лактионов – автор десятков картин и сотен рисунков – например, он писал рано погибшего нашего земляка космонавта Виктора Комарова.

Но высшим достижением его, «визитной карточкой» остаётся и по сию пору незабываемое «Письмо с фронта».

Эта картина сделала его имя широко известным. В ней определились все характерные черты его последующего творчества: традиционность, приверженность к повествовательным мизансценам, бытовая конкретность и тщательная детализация.

После успеха «Письма...» в жизни Лактионова многое изменилось.

Посыпались награды и избрание в члены Академии художеств. И это тоже надо было пережить. Без «головокружения от успехов».

Но главное, от него теперь ждали только талантливых работ и смотрели на них с точки зрения соответствия достигнутому уровню.

А вообще, искусствоведы – несмотря на широкую известность – любили, да и теперь любят упрекать Лактионова в различных изобразительных грехах.

Естественно, у художника бывали и неудачи. Фразы, брошенные Александром Герасимовым ещё по поводу дипломной лактионовской работы, где *«все вещи живут обособленно»* и *«тщательно раскрашены все предметы, дана иллюзия яркого света»*, не раз и не без оснований повторялись по адресу его зрелых произведений.

Но зрителям многие его работы нравятся, потому что они добры и искренни.

Интересно, как сам автор описывает рождение картины «Тишина», сюжет которой он подсмотрел в Паланге.

«Тишина» – так называется полотно, которое я пишу уже пятый год. Расскажу вам, как зародилась у меня эта тема. Многие из вас – счастливые обладатели детишек, и все вы, особенно городские папы и мамы, знаете, сколько забот с малышами летом. Вот и у нас, когда надвигается лето, начинаются заботы, – куда вывозить ребят, а у меня их ни мало, ни много – семеро.

Летом 1958 года посоветовали нам друзья отправиться на берег ласкового Янтарного моря в маленький литовский городок Палангу. Приехал, поглядел вокруг себя и опешил: не ожидал увидеть в миниатюрной Прибалтике такой могучей, девственной природы. Дивная зелень, дивное доброе солнце. Дома оно не всегда балует нас, грешных.

Вот в этих тенистых рощах-парках я и подглядел сцену, которая меня глубоко взволновала. Вечная тема - мать и дитя. В этом пейзаже мне хотелось показать спокойную радость, счастье, тишину. Надеюсь, что эта простая тема найдёт себе дорогу к сердцам, которым дороги мир на земле и счастье детей».

У него много пейзажей. Они полны солнечного света, кажется, что в них даже струится от жары воздух. Возможно, это отголосок Средней Азии.

Он создавал чистые, ясные красочные гаммы.

Среди его произведений – небольшой по размерам, но очень гармоничный, тонкий по цвету натюрморт «Февраль».

На зимнем окне, но уже освещённым весенним солнышком, – цветы.

В этом скромном, бесхитростном сюжете, отразилась, как в капле воды, любовь живописца ко всему, что его окружает, к солнцу, к мягким, светозарным краскам.

Некоторые работы Александра Ивановича Лактионова сегодня экспонируются в музее Гуггенхайма.

Художницей стала его дочь Мария.

***

По словам поэта Иосифа Бродского, *«настоящему, чтобы обернуться будущим, требуется вчера».*

Сохранением «вчера» во имя «будущего» во всех его проявлениях и занимаются в «настоящем» Вокзалы, Музеи и Художники.

Занимались этим и Vauxhall-ы.

***

Всех этих художников, о которых мы сегодня говорили, уже давно нет в живых, но накануне Дня Победы давайте поставим высший балл их работам.

Их картины обречены на вечность...

«Природа создаёт человека, чтобы взглянув на себя его глазами, насладиться изумительной своей красотой», - говорил Мартирос Сарьян.

***

*

СЛОВАРЬ:

Альбион – старинное название Великобритании.

Драм – валюта Армении.

Конкорс – вокзальный переход.

Косморама – картина, представляющая большое пространство земли с находящимися на ней предметами, написанная и поставленная так, что создается иллюзия живой природы.

Культурегер (культуртрегер) – носитель культуры, распространитель просвещения (иногда употребляется в ироническом смысле).

Линейный – подобный линии, однонаправленный.

Метранпаж – технический редактор.

«Мирискусники» – участники известного в 20-е годы объединения художников «Мир искусства».

Морфей – греческий бог сновидений, в переносном значении – просто сон.

Пленэр – живописная техника изображения объектов при естественном свете и в естественных условиях.

Статер – античная монета.

Фешенебельность – требование изощрённого вкуса, моды, изысканность, роскошь.

Форзац – двойной лист бумаги, соединяющий книжный блок с переплётной крышкой.

Хачкары – христианские камни-кресты (армянские памятники), не имеющие в мировом искусстве аналогов.

Шмуцтитул – отдельный лист, на котором указывается название или порядковый номер раздела, части, главы книги.

Штейгер – мастер, ведающий рудничными работами.

***

*

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Авдеев О. Царскосельская железная дорога. – М.: «Маршрут», 2006.
Алексеева А. Сарьян. // Смена. – 1996. – № 9. – С. 154.
Богоявленский М. Мастер гравюры. // Дон. – 1957. – № 8. – С. 191.
Джеладзе В., Шлыков В. Глуховцев Александр Ерофеевич: Графика. Нальчик: «Эльбрус», 1972.
Донские страницы: Выпуск второй. Ростов н/Д: Кн. Изд-во, 1978.
Донской временник. Ростов н/Д: ДГПБ, 2005.
Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д: РОМК, 1989 – 2000.
История живописи. Л.: «Искусство», 1981.
История русского искусства. М.: «Искусство», 1974.
История российского музея. СПб.: «Искусство», 2001.
Каминская М. Больше солнца! // Наше время. – 2005. – 25 февраля. – С. 4.
Космынина О. Мой Сарьян. // Ростов официальный. – 2009. – 18 ноября. – С. 1.
Лактионов. М.: «Искусство», 1987.
Михайлов А. Мартирос Сергеевич Сарьян. М.: «Советский рабочий», 1958.
Паровозик-паровоз, ты куда меня привёз? Л.: «Детская литература», 1987.
Русские художники. М.: «Советская энциклопедия», 1989.
Розанов А. Музыкальный Павловск. Л.: «Музыка», 1978.
Сарьян. М.: «Искусство», 1984.
Сарьян М. Из моей жизни. М. «Искусство», 1971.
Середнякова Е. Мартирос Сарьян. // Крестьянка. 2003. – № 4. – С. 31.
Сидоренко В. Путешествие в историю Северо-Кавказской железной дороги. 1860 – 1920. Ростов н/Д: Омега-Принт, 2007.
Слущкий А. Архив А. Е. Глуховцева. // Страницы истории. Краснодар: ЭРА, 1996.
Сотников Е. Железные дороги мира из XIX в XXI век. М.: «Транспорт», 1993.
СССР. Музеи. М.: «Искусство», 1984.
Театральная энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1965.

<http://blog.censum.ru/archives/784>

<http://laktionova>

<http://nashpoezd.narod.ru/2009/skzd2009/rostovzd/prigvokzal.htm>

http://nnm.ru/blogs/horror1017/proishozhdenie_slov_istoriya_vokzalov/#comment_10318910

<http://paramon-hanigin.livejournal.com/8440.html>

<http://railways.id.ru/towns/rostov/>

<http://smi.kuban.info>
<http://volzd.ru/museum-rostovnadonu.html>
http://www.censum.ru/content/post_detail.php?id=41
http://www.hay-arm.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=209&Itemid=33
<http://www.rey.aaanet.ru/forums/topic.php?forum=26&topic=14>
<http://www.rodon.org/art-071001190435>
<http://www.sedmitza.ru/news/298982.html>
<http://www.rostovmuseum.ru/>

Книга «Сначала был Vauxhall» рассказывает об истории Ростовского Музея краеведения и Ростовского вокзала.

Вторая часть повествует о жизни и творчестве прекрасных донских художников Мартироса Сарьяна, Александра Лактионова и Александра Глуховцева.